

Д Е Н И Ц А .

А Л Ъ М А Н А Х Ъ .

Н А 1834 Г О Д Ъ .

Д Е Н Н И Ц А

Н А 1834 Г О Д Ъ.

М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по ошпечашаніи пред-
сшавлены были въ Ценсурный Коми-
тешъ при экземпляра сей книги. Москва,
Окшября 24 дня 1835 года.

*Ценсоръ, Заслуженный Про-
фессоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Левъ Цветасвъ.*

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

П Р О З А.

	Стр.
1. Марко богашый (<i>Русская сказка</i>). — <i>М.</i>	5
2. Опаль (<i>Волшебная сказка</i>) — <i>П. К.</i>	27
3. Веселые Злыдни (<i>Русская сказка</i>). — <i>М.</i>	67
4. Вѣщій сонъ (<i>Быль</i>). — <i>П. А. Мельеунова</i>	91
5. Родительская печаль. — . . . <i>л</i> . . .	108
6. Мужикъ и смерть (<i>Русская побасѣнка</i>)	123
7. Ледяная спашуя. — <i>Н. И. Лажечникова</i>	129
8. Мокошь. — <i>А. Ф. Вельтмана</i>	168
9. Буранъ. —	191
10. Насмѣшка мершваго	218

С Т И Х И.

1. Фаншазія. — <i>Н. С.</i>	21
2. Пророчество Карменны о Римѣ. <i>С. П. Шевырева</i>	22
3. Къ Ней. — <i>А. В.</i>	26
4. Примѣшы. — <i>Н. Н.</i>	—

СО Д Е Р Ж А Н І Е

	Стр.
5. Малороссіянкѣ.	65
6. Къ сестрѣ. — <i>Н. С. Тепловоѣ.</i>	66
7. Къ А. Н. В—у. — <i>Н. М. Язы-</i> <i>кова.</i>	87
8. Романсъ. — <i>А. Шидловскаго.</i>	106
9. Къ Н. Н. Н. — — <i>ер</i> —	122
10. Спрадалецъ.	126
11. На могилѣ Эмили. — <i>Н. С.</i>	127
12—16. Пять Русскихъ пѣсенъ, ошъ <i>П. В. Кирѣвскаго.</i>	153
17. Первое Мая.	184
18. Безуміе. — <i>Ө. Н. Тютчева.</i>	185
19. День Азіашца. — <i>З.</i>	186
20. Мое прибѣжище — <i>Ө. Н. Глинки.</i>	190
21. Сцена изъ Пиколѣмини. <i>С. П.</i> <i>Шевырева.</i>	207

О п е ч а т к и.

стр. 125 стр. 5 *вмѣсто* поперегъ чит.
поперѣкъ.

МАРКО БОГАТЫЙ.

(Русская сказка.)

Жиль былъ *Марко богатый*. Такъ вездѣ прозывался онъ попому, что у него было несмѣшное богатство. И Марко шѣмъ весьма величался, и былъ непомерно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и наяву ему грезилось только его богатство.

Однажды, стоя въ церкви, Марко сказалъ своему сосѣду: „что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хошь бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!“ — „Чтожь, ошвѣчалъ сосѣдъ — пригошовься получше, и Господь посѣпитъ тебя Своею благодашю.“ — Сосѣдъ разумѣлъ по Хрисціански,

а Марко понялъ эшо по-своему ; спалъ гошовишь богашый обѣдъ ; пышно разубралъ домъ свой ; на-слалъ парчи и бархашу опъ во-ропъ до церкви — и спалъ дожи-дашься ; а самъ ужъ ни на кого и не глядишь. Прошла обѣденная по-ра, а Марко все ждешъ. Ужъ спа-ло садисься и солнце , — Марко не дождался , и велѣль собирашь парчи и бархашы, разоспленные по дорогѣ и по двору.

Въ эшо время приходишь на его дворъ сѣденькій спаричокъ и просишь ночлега. „Не до себя мнѣ!“ сказалъ ему съ сердцемъ Марко. — „Ради Бога, Марко бо-гашый! укрой меня опъ шемношы ночной!“ — И Марко , чшобъ оп-вязапъся, велѣль впустишь его въ избу , гдѣ лежала у него при смер-ти хвора я шешка.

На другой день видишь Марко, что идешь къ нему пешка совсѣмъ здоровая. „Какъ это утѣрило тебя, пешка?“ — сказалъ онъ съ удивленьемъ. — Ахъ, Марко богашый! ошвѣчала она — знаешь ли что? Видѣла я, будшо въ эту ночь Господь Богъ приходилъ въ мою избу, и будшо къ нему прилепалъ Ангелъ и рассказывалъ, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, другой у кресъянина, а третій у шакого-шо бѣднаго; и спросилъ: какой шаланъ присудишь имъ, Господи? И Господь сказалъ: купеческому сыну обладашь опцовскимъ шаланомъ; кресъянскому сыну обладашь землепашествомъ; а бѣднякову сыну — Марковымъ богашствомъ. — „А еще что?“ спросилъ Марко. — Да вошь какая еще благодашь: какъ проснулась я, шо всшала совсѣмъ здоровая,

какъ самъ видишь! — „Эшо ладно! сказала Марко — шолько съ бѣднякова сына много будешъ обладашь Марковымъ богатствомъ!“

Однако у него эшо залегло на душу. На ту же пору родилась у него дочь. И захопѣлъ Марко провѣдашь, подлинно ли народился его наслѣдникъ у бѣдняка? — Поѣхалъ, опыскалъ бѣдняка, и видишь, что у него въ самомъ дѣлѣ родился мальчикъ; и задумалъ недоброе. „Добрый человекъ! — сказала онъ: что вамъ дѣлать съ эшимъ мальчишкой, коли и самимъ вамъ нѣчего ѣсть? отдай его мнѣ!“ — Что ты, Марко богатый! — сказала мать — даешъ Богъ дѣшушекъ, дастъ и на дѣшушекъ! — „Полно упрямышся! у меня ему будешъ лучше, чѣмъ у васъ; воспитаю его какъ сына, да и васъ не оставлю. Возьмъ вамъ пшсошь рублей!“ — Бѣдняки

подумали, пошолковали между собою, согласились. Марко взялъ съ радостью къ себѣ мальчика, и уѣхалъ.

Морозъ былъ прескучій. Увидавъ въ полѣ сугробъ снѣгу, Марко остано­вился, разгребъ снѣгъ и бросилъ шуда бѣднаго мальчика, приговаривая: „шеперь владѣй Марковымъ богашшвомъ!“

Въ шопъ же день по дорогѣ шой ѣхали купцы на ярмарку; и видяшъ они, что изъ сугроба ва­лишъ паръ. „Сходи-ка посмотри, что за чудо!“ сказалъ хозяинъ прикащику. — И шопъ возвращясь рассказалъ, что въ сугробѣ про­шалинка; на прошалинкѣ зеленѣетъ шрава и цвѣшущъ цвѣшны; а въ цвѣшахъ лежишъ мальчишечка, за­бавляешся и улыбаешся. — „Эшо Богъ даешъ намъ благодашъ!“ ска-

залъ хозяинъ. Взяли они шого мальчика и повезли съ собою.

Только подлинно имъ благодать Божія была на ярмаркѣ: все продали съ большимъ барышомъ. Возвращаясь, они заѣхали къ Маркѣ богашому за шоваромъ. И узналъ оиѣ нихъ Марко про мальчика, и спалъ у нихъ всячески выпрашивашъ его. „У меня, говорилъ, будешъ онъ росши вмѣстѣ съ дочерью; вамъ же его не дѣлишь спашъ, а вошъ эту тысячу шакъ раздѣлите!“ Купцы согласились и успунили ему младенца. — Ну! думаетъ Марко: — погоди-же! Коли и морозъ шебя не беретъ, коли и въ сугробѣ не окочурился, шо я справлюсь съ'шобою вѣрнѣе! —

Скоро разлились рѣки. Марко взялъ мальчика, перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящичекъ и пушилъ за полою водою, пригова-

ривая : „владѣй шеперь Марковымъ богашствомъ!“ — Вода помчала ящикъ, а Марко въвращилсѣ домой совершенно успокоенный.

Долго плыль ящикъ съ младенцомъ ; наконецъ волной прибило его къ берегу , на кошоромъ спояль убогій монастырь. Въ шо самое время послушникъ приходиль къ рѣкѣ за водою; и видить, что въ ящикѣ лежишь мальчикъ: брюшко перерѣзано, а онъ живъ , забавляется и улыбаешся. Онъ побѣжалъ къ Наспояшелю. — „Чудо Господне!“ сказаль монахъ, и пошелъ за мальчикомъ. Принесли его; зашили и заживили ему брюшко; и онъ спаль у нихъ роспи шакъ скоро , какъ пшеничное шѣсто на опарѣ подымаешся. И роспешъ онъ шакой пригожій, шакой смышлѣный и послушный , шакой охочій до ученья и способный до церковнаго

пѣнія, что всѣ не нарадовались имъ. Съ шѣмъ вмѣстѣ спалъ богашъшъ и монашпырь; сдѣлали вносишь богашые вклады; и монашпырь въ скорое время обшпроился и украсился великолѣпно.

Такъ прошло пашнадацашь лѣшь, и мальчикъ Иванъ спалъ ужъ на возрастѣ. — Случилось тогда проѣзжашъ мимо Маркъ богашому; и заѣхалъ онъ въ шопъ монашпырь; спалъ спрашивашъ, какимъ образомъ обогашилась свѣшая обишель, и узнавъ про неключимаго мальчика, опѣшь спалъ бояшься за свое богашство, и опѣшь задумалъ недоброе. Вошь онъ сдѣлалъ богашый вкладъ въ монашпырь, — и началъ просишь, чшобъ Ивана оппустили съ нимъ; говорилъ, что сдѣлаешъ его первымъ прикащикомъ, пошомъ зяпемъ, и чшо наконецъ Иванъ будетъ наслѣдникомъ всего несмѣшнаго бо-

гашспва его и спанешъ тогда вно-
силь большіе вклады въ монашырѣ.
Призвали, спросили Ивана; онъ
согласился, — и его оппустили съ
богашымъ Маркою.

Марко обласкаль его, и посы-
лаешъ домой съ письмомъ къ же-
нѣ, говоря, что черезъ три дни
и самъ прїѣдешъ. Въ письмѣ же онъ
приказываль строгаго женѣ, чтобъ она
непремѣнно послала госпя въ шу
конуру, гдѣ содержашся у него
самыя злыя собаки, и заперла-бы
его тамъ, и не давала бы корму со-
бакамъ три дни, до его прїѣзда.
Опдавъ письмо Ивану, онъ иросшил-
ся съ нимъ, говоря про себя: „ще-
перь владѣй моимъ богашспвомъ,
прекрасный зящюшко и наслѣдникъ!“

Иванъ опправился въ пушь. На
подорогѣ онъ заснулъ крѣпкимъ
сномъ. Въ это время его Ангель-
хранишель невидимо взялъ у него

письмо Марково и положилъ другое, въ копоромъ шакою же рукою написано было, что Марко нашель зящя своей дочери, и велишь женѣ поскорѣ обвѣнчашь ихъ и пригошовишь пиръ на весь мѣръ; и что онъ черезъ при дни самъ прѣдетъ пировашь свадьбу и навезешь съ собою госпей. Жена такъ и сдѣлала; и всѣ не могли налюбовашься женихомъ, а больше всѣхъ его молодая сожигельница.

Черезъ при дни возвратился домой Марко богатый. „Что, уходила молодца?“ было первое его слово женѣ. — И щеперь еще ухаживаемъ за нимъ, мой отецъ! Ужь подлинно молодецъ! вчера обвѣнчали... „Какъ!...“ заревѣль Марко; но въ шу минушу вошли молодые и подошли къ нему за благословеніемъ. Дѣлалъ было нѣчего! Марко скрылъ на - время свою злоспъ, и пришворялся веселымъ,

пируя свадьбу съ госпьми. — „Ну, зя-
пюшко! — сказала онъ Ивану недѣли
черезъ двѣ: — шеперь надо хозяйство
да прибышокъ вести. И сначала ты
долженъ сходишь къ вѣщуну Лю-
доѣду, да справишься у него: какъ ве-
лико мое богатство, и ешь ли счешъ
ему?“ — Иванъ не зналъ еще всего,
что бываетъ въ свѣшѣ, и пошелъ.

Вошъ пришлось ему переѣз-
жать черезъ рѣку. — „Куда Богъ
несешь тебя, добрый молодецъ?“
спросилъ перевозчикъ. — Къ вѣщуну
Людоѣду. — „Узнай ты у него, доб-
рый молодецъ, когда кончится моя
мука такая, что вошъ уже 15
лѣтъ перевозжу я, и не могу сой-
ти съ лодки!“ — Хорошо! — ска-
залъ Иванъ, и пошелъ далѣе.

Вошъ, видишь онъ, спойшъ кур-
ганъ; на курганѣ кòлышекъ; а на
колышкѣ спойшъ одной ногою му-
жичокъ, и мошаеся онъ куда вѣ-

шеръ повѣшь, и всего его въспромъ испрепало какъ вешку. „Куда Богъ несешь?“ спросилъ онъ у Ивана. — Къ вѣщуну Людоѣду. — „Ахъ, добрый молодецъ! узнай шы, когда кончишься мука моя шакая, что вошь уже 15 лѣшь спою шущъ, и мошаешь меня куда въперъ повѣшь, и всего извешалило!“ — Хорошо! — сказалъ Иванъ, и пошелъ далѣе, дивуясь на шакое чудо.

Долго шель Иванъ черезъ степи, черезъ лѣсъ, черезъ доли, черезъ горы; и приходишь наконецъ въ домъ вѣщуна Людоѣда. Его встрѣшила шамъ молодая жена Людоѣдова; а она была Руская. И рада и нерада была она Ивану. Онъ разсказалъ ей какъ и за чѣмъ пришелъ; разсказалъ про перевощика и про мужичка на курганъ. „Нѣшь, не за шѣмъ послалъ шебя шесить швой къ Людоѣду; онъ при-

слалъ себя на съѣденіе; онъ вѣч-
ный злодѣй швой!“ И всплакался
Иванъ. „Не плачь, Иванъ! авось сла-
димъ дѣло. . . .“

Вдругъ заревѣлъ вѣсперъ, за-
крушилъ вихоръ. „Ахши!—сказала
она—мужъ лешишь! Ну, слушай
же хорошенько!“ Тупъ она пере-
кинула съ руки на руку иглоч-
ку, вошкнула въ него; онъ спалъ
булавочной головкою; и она при-
колола его себѣ на голову.

„Что это, жена? у тебя
Русскимъ духомъ пахнешь!“ — И!
какому шупъ Русскому духу
бышь! въ эши три года ужъ и
мой Русскій духъ весь выдохся.
Знашь ты лешалъ всё по Руси,
да нанюхался Русскаго духу, такъ
тебѣ и шупъ чудишься! — „И по
бышь можешь!“ сказалъ Людоѣдъ,
и повѣрилъ.

Вошь жена его накормила, и онъ улегся опдыхашь, и спаль рассказывашь ей, чпо шворишя на бѣломъ свѣшѣ. — „Слыхала я — говоришъ она — въ прежніе годы про Марка богашаго. Чпо, скажи, еспь ли счешъ его богашешву?“ — **Какъ звѣздамъ на небѣ! — опвѣчалъ Людоѣдъ.** „А чпо, скажи, долголь шому перевощику возилъ, чпо не можешъ съ лодки сойши?“ — **Да пока онъ не сунешъ кому нибудь весла въ руки, а самъ не соскочилъ на берегъ! — „А долголь мошашься шому мужичку, чпо спойшъ на курганѣ на колышкѣ?“** — **Да коли кпо нибудь догадаешся ударишъ его на-опмашъ палкою, шакъ онъ разсыплешя золошомъ да каменьями самоцвѣшными!** — „Вошь какъ! сосни же, голубчикъ!“

Людоѣдъ соснулъ; проснулся; поцѣловалъ жену — и улешѣлъ ры-

скашь по свѣшу. Тупь она вынула булавку изъ головы, перекинула съ руки на руку, и булавочная головка спала опяшь молодцомъ Иваномъ. — „Слышалъ? Ну шеперь поди съ Богомъ, да не поминай лихомъ!“ — Тупь распрощались они какъ слѣдуешь, и Иванъ отправился въ дорогу.

„Чшò, Иванъ! скоро ли?“ закричалъ мужичокъ, увидавъ его съ кургана. — А вошь сей часъ! сказалъ Иванъ — и хвашъ его палкою на-òшмашъ. Мужичокъ посыпался и зазвенѣлъ червонцами, алмазами и всякими самоцвѣшными каменьями. Иванъ набралъ ихъ, сколько снесши могъ, и пошелъ далѣе.

„Чшò, добрый молодець! узналъ ли какъ мнѣ избавишься?“ закричалъ перевощикъ, увидавъ Ивана. — А вошь какъ перевезешь, шакъ шогда и ска-

жу! — Сошедъ съ лодки на другой берегъ, Иванъ разсказаль перевощику, какъ самъ слышалъ опъ Людоѣда, и пошелъ домой.

„Не згибъ и шущь!“ проворчалъ Марко съ досадою, увидавъ въ окно возвращающагося зяпя. — Иванъ пересказаль, что узналь у Людоѣда; и Марко обрадовался несказанно, что богаществу его нѣспъ числа какъ звѣздамъ на небѣ. „Эшо опкуда сполько?“ спросиль онъ, увидавъ драгоценности, копорыми Иванъ дариль молодую свою жену. „Сполько?—сказаль Иванъ — нѣшъ! шамъ на курганъ и не сполько еще оспалось, да ужъ неспи было не подь-силу.“ — Чшо же ты, брашъ! пойдемъ поскорѣе, пока еще не распаскали! — „Съ меня довольно и эшаго; а коли хочешь, поди самъ!“ Марко, хошя и богашый, пораспросивъ дорогу, немедленно оппра-

вился изъ дому, — да ужъ и не возвращался.

Иванъ обладаетъ Марковымъ богатствомъ; а Марко богатый все возишь, да возишь черезъ рѣку, и въ вѣкъ не догадаешься, что ему надо сдѣлать. . . .

М.

Ф А Н Т А З І Я.

Люблю я смопрѣшь, какъ ночью порой
Толпяся міры въ вышинѣ голубой,
Какъ тихія воды въ брегахъ опдыхающъ
И синее небо въ раздумьи лобзающъ.

Но время наспушишь, но часъ прозвучишь —

И воды изсякнушь и небо сторишь;
Глаголь пронесешся — онъ мершвыхъ
разбудишь;

Проснушся, возстанушь — а міра не будеть!

Н. С.

ПРОРОЧЕСТВО КАРМЕНТЫ О РИМѢ.

(Отрывокъ.)

О вѣщій Богъ ! далекозрящій Богъ
 Твоимъ лучамъ, піющимъ воды моря,
 Я люю вино, да пьюшь изъ успъ земли,
 Какъ я пію изъ успъ сего сосуда.

Дай взгляду слабому моихъ очей
 И быспропу и даль швоихъ лучей,
 Да мѣряю и вижу и объемлю
 И небеса и океанъ и землю !

Лечу, лечу, взвиваюсь какъ орѣль ;
 Объ воздухъ бую могучими крылами,
 И съ высоты на неизмѣрный доль
 Смопрю, какъ пы, горящими очами !

Вопшь семь головъ возспало опть земли:
На нихъ власы дубравъ гуспыхъ и
        шемныхъ
Спольшними корнями въ нихъ вросли,
Какъ буйные рога въ воловъ ярменныхъ.

Вопшь между нихъ раскинулись луга.
По нимъ спада шоллами разсыпными,
И два быка красуются межъ ними:
Копыта мѣдъ и царскіе рога!
Они роспушь и крѣпнушь и мужаюшь,
И выроспушь, и Альбу забодаюшь!

Вопшь по полямъ мелькаешъ желпый
        змѣй!

Онъ роешь землю персями глубоко,
И ошибъ свой кидаячи далѣко,
Опрѣзаль грань Эпруріи полей:
То Тибрь бѣжипть! Бушуешъ на про-
        спорѣ,
Торопипся сердипая волна, —
И жадное его глошаешъ море,
Какъ алчный волкъ невиннаго овна.

Вопь съ нимъ бѣжипь сей доль,
красой цвѣпущій,
И шамъ его иной смѣняешъ доль,
Гдѣ невидашъ ни правъ, ни сельской
кущи,
Гдѣ волнь спада пасешъ сѣдой Эоль,
Гдѣ ихъ руно царь дня передъ закапомъ,
Вдоль расчесавъ, румянишь яркимъ
злапомъ.

А шамъ, опшколь восходишь свѣспльий
день,
Кругомъ на доль бросашъ длину пѣнь
Цѣпь горъ крушыхъ со снѣжными гла-
вами,
И облака лежашъ на нихъ грядами.
Опшполъ Юпиперь, въ сонмищѣ боговъ,
Шлешъ молнii и громы и орловъ;
Опшполѣ онъ въ одномъ, объемлешъ взорѣ
И холмы, и поля, и Тибрь, и море!

Не долго вамъ цвѣспи, поля и лугъ!
Найдешь на васъ желѣзньй, оспрьй плугъ,

И нѣдра вамъ непаханья вспорешь,
И землю вашу, глубже Тибра, взорешь. . . .

Ее спѣна крушая опягчишь,
И взыдешь градъ — и будешь знаменить!

Не долго вамъ, холмы, носить лѣса,
Найдушь на васъ сѣкира, мечь да молотъ;
Спугнушь орловъ съ дубовъ на небеса,
Ушлюшь волковъ моришь за Тибромъ
голодь

Въ Эпруріи! . . . здѣсь сосны и дубы
Во храмы сложашся, въ дома, въ сполбы,
И взыдешь градъ. . . . и горы! — вы
главами

Преклонишесь передъ семью холмами!

Не долго, Тибръ, печь ясною спруей,
Ты вспѣнишься кровавою волной! . . .
И на шебя, зависпливое море,
И на шебя найдушь гроза и горе! . . .

С. Шевыревъ.

К Ъ Н Е Й.

Вспрѣчая свѣплую зарю
 Улыбкой грусти и печали,
 Я ушѣшаюсь, я смопрю,
 И робко мыслю: не она ли?

Когда жь изъ-за туманныхъ горъ
 Взойдетъ луна и мракъ освѣпипть;
 Смопрю: бышь можешъ въ ней мой взоръ
 Твой, о другъ мой, взоры вспрѣпипть!

А. В.

П Р И М Ъ Т Ы.

По звѣздамъ, по зарѣ, по вечернему небу
 Ненаспье и вѣдро селянинъ узнаспь:
 Въ суровую зиму ждешъ яснаго лѣпа
 И прибыльной жашвы, ушѣхи своей.

Такъ свѣплые дни, счастливые годы
 И лучшую долю себѣ я предрѣкъ:
 Въ гаданьи зарею мнѣ были ланипы,
 Звѣздами и небомъ — очи швои.

О П А Л Ъ

(Волшебная сказка.)

Царь Нуррединъ шесшнадцаши лѣтъ взошелъ на пресполь Сирійскій. Эшо было въ то время, когда, по свидѣтельству Аріосша, духъ рыцарства подчинилъ всѣ народы однимъ законамъ Чесши, и всѣ племена различныхъ исповѣданій соединилъ въ одно поклоненіе Красопѣ.

Царь Нуррединъ не безъ славы носилъ корону царскую; онъ окружилъ ее блескомъ войны и побѣдъ, и громъ оружія Сирійскаго разнесъ далеко за предѣлы опечесшвенные. Въ битвахъ и на поединкахъ, на пышныхъ шурнирахъ и въ одино-

кихъ спранспвіяхъ, среди Мусульманъ и невѣрныхъ, — вездѣ мечъ Нурредина оспавлялъ глубокіе слѣды его счастья и опважності. Имя его часто повпорялось за круглымъ споломъ двенадцати храбрыхъ, и многіе изъ знамениспыхъ сподвижниковъ Карла носили на безспрашной груди своей повѣспь о подвигахъ Нуррединовыхъ, начершанную чѣспкими рубцами сквозь ихъ прорубленные брони.

Такъ удачею и мужеспвомъ добылъ себѣ Сирійскій Царь и могущество и чеспь; но оглушенное громомъ брони сердце его понимало шолько одну красощу — опасность, и знало шолько одно чувспво — жажду славы, неушолимую, безпредѣльную. Ни звонъ спакановъ, ни пѣспн шрубадуровъ, ни улыбка красавицъ не прерывали ни на ми-

нушу однообразнаго хода его мыслей; послѣ бѣшвы гошовилъ онъ къ новой бѣшвѣ; послѣ побѣды искалъ онъ не опдыха, но задумывался о новыхъ побѣдахъ, замышлялъ новые шруды и завоеванія.

Несмотря на шо, однако, разъ случилось, что Сирія была въ мирѣ со всѣми сосѣдями, когда Оригелль, Царь Кашайскій, представилъ мечу Нурредина новую рабошу. Незначительныя распри между ихъ подданными дошли случайно до слуха правителей; обида росла взаимностью, и скоро смерть одного изъ Царей стала единственнѣмъ честнымъ условіемъ мира.

Выступая въ походъ Нуррединъ поклялся головою и честью передъ народомъ и войскомъ: до шѣхъ поръ не выдашь сѣбѣнъ Дамаскихъ, покуда весь Кашай не по-

коришся его скипшру и самъ Оригелль не опплатишь своею головою за обиды, имъ нанесенныя. — Никогда еще Нуррединъ не клялся понапрасну.

Черезъ мѣсяцъ всѣ области Кашайскія, одна за другою, поклонились мечу Нурредина. Побѣжденный Оригелль съ оспашкомъ избранныхъ войскъ заперся въ своей столице. Началась осада.

Не находя средствъ къ спасенію, Оригелль спалъ просишь мира, уступая побѣдишелю половину своего царства. Нуррединъ опвѣчалъ, что со врагами не дѣлишся, — и осада продолжается.

Войско Оригеллово ежедневно убываетъ числомъ и упадаетъ духомъ; запасы приходяшь къ концу; Нуррединъ не сдается на самыя униженныя просьбы.

Унынїе овладѣло Царемъ Кашайскимъ ; всякій день положенїе Оригелла спановишся хуже ; всякій день Нуррединъ прїобрѣтаешъ новую выгоду. Въ опчаянїи, Кашайскїй Царь предложилъ Нурредину все свое Царство Кашайское , всѣ свои владѣнїя Индѣйскїя, всѣ права, всѣ шиплы, съ шѣмъ шолько, чшобы ему позволено было , вывешпї съ собою свои сокровища , своихъ жень , дѣшей и любимцевъ. Нуррединъ оспавался неумолимымъ , — и осада продолжашся.

Наконецъ , видя неизбѣжностъ своей гибели, Оригеллъ успупалъ всё , и сокровища , и любимцевъ , и дѣшей , и жень , и просилъ шолько о жизни. Нуррединъ , припомнивъ свою кляшву, опшвергъ и эшо предложение.

Осада продолжашся ежедневно сильнѣе , ежедневно неопрази-

мѣ. Гошовый на всё, Кашайскій Царь рѣшился испышашь послѣднее, опчаянное средство къ спасенію: чародѣйство.

Въ его осажденной столицѣ стоялъ огромный, старинный дворецъ, кошорый уже болѣе вѣка оставался пусымъ, пошому, что нѣкогда въ немъ совершенно было какое-то ужасное злодѣяніе, споль ужасное, что даже и повѣсть объ немъ исчезла изъ памяти людей; ибо кшо зналъ ее, шощъ не смѣлъ повшорить другому, а кшо не зналъ, шощъ боялся выслушашь. Опшъ шого преданье шло шолько о шомъ, что какое-то злодѣяніе совершилось и что дворецъ съ шѣхъ поръ оставался нечисымъ. Туда пошелъ Оригелль, ушѣшая себя мыслию, что хуже шого, что будешъ, не будешъ.

Посреди дворца нашель онъ площадку; посреди площадки спояла палашка съ золошою шищечкой; посреди палашки была лѣспница съ живыми перильцами; лѣспница привела его къ подземному ходу; подземный ходъ вывелъ его на гладкое поле, окруженное непроходимымъ лѣсомъ; посреди поля спояла хижина; посреди хижины сидѣль Дервишъ и чипаль Черную Книгу. Оригелль разсказаль ему свое положеніе и просиль о помощи.

Дервишъ раскрыль Книгу Небесь, и нашель въ ней подъ какою звѣздою Нуррединъ родился, и въ какомъ созвѣздіи ша звѣзда, и какъ далеко ошспойшъ она ошъ подлунной земли.

Опыскавъ мѣспо звѣзды на небѣ, Дервишъ спаль опыскивашъ ея мѣспо въ судьбахъ небесныхъ, и для того раскрыль другую кни-

гу, Книгу Волшебныхъ Знаковъ, гдѣ на черной страницѣ явился передъ нимъ огненный кругъ: много звѣздъ блеснуло въ кругу и на окрестности, инныя внутри, другія по краямъ, Нуррединова звѣзда спояла въ самомъ центрѣ огненнаго круга.

Увидѣвъ это, колдунъ задумался, и попомъ обратился къ Оригеллу съ слѣдующими словами:

„Горе тебѣ, Царь Капайскій, ибо непобѣдимъ твой врагъ и никакія чары не могутъ преодолѣть его счастья; счастье его заключено внутри его сердца, и крѣпко создана душа его, и всѣ намѣренія его должны исполняться; ибо онъ никогда не желалъ невозможнаго, никогда не искалъ несбыточнаго, никогда не любилъ небывалаго, а попому и никакое колдовство не можешь на него дѣйствовать!“

„Однако — продолжалъ Дервишъ — я могъ бы одолѣть его счастье, я могъ бы опустить его волшебствами и наговорами, если бы нашлась на свѣтѣ такая красавица, которая могла бы возбудить въ немъ такую любовь, которая подняла бы его сердце выше звѣзды своей и заспавила бы его думать мысли невыразимыя, искапать чувства невыносимаго и говорить слова непоспимыя; тогда могъ бы я погубить его.“

„Еще могъ бы я погубить его тогда, когда бы нашелся въ мѣрѣ такой шарикъ, который пропѣлъ бы ему такую пѣсню, которая бы унесла его за шридевяшь земель въ шридесятое государство, куда звѣзды садятся.“

„Еще могъ бы я погубить его тогда, когда бы въ природѣ нашлось такое мѣсто, съ горами съ

пригорками, съ лѣсами съ долинами, съ рѣками съ ущельями, шакое мѣсто, копорое было бы шакъ прекрасно, чшобы Нуррединъ засмопрѣвшись на него позабылъ хопя на минушу обыкновенныя забошы шекущаго дня.“

„Тогда мои чары могли бы на него дѣйствовашь.“

„Но на свѣшѣ нѣшѣ шакой красавицы, нѣшѣ въ мѣрѣ шакаго старика, нѣшѣ шакой пѣсни и нѣшѣ шакаго мѣсша въ природѣ.“

„Попшому Нуррединъ погибнушь не можешь.“

„А шебѣ, Капайскій Царь, спасенья нѣшѣ и въ чародѣйствахъ.“

При эшихъ словахъ чернокнижника опчаянѣ Оригелла досшигло высшей степени, и онъ уже хопѣлъ идиши вонъ изъ хижины Дервиша,

когда послѣдній удержалъ его слѣдующими словами :

„Погоди еще, Царь Кашайскій! еще есть одно средство погубишь своего врага. Смодири : видишь ли ты звѣзду Нурредину? Высоко, кажется, стоишь она на небѣ; но, если ты захочешь, мои заклинанья пойдутъ еще выше. Я сорву звѣзду съ неба ; я привлеку ее на землю ; я сожму ее въ искорку , я запру ее въ шемницу крѣпкую, — и спасу себя ; но для этого, Государь, долженъ ты поклониться моему владыкѣ и принеси ему жертву подданническую.“

Оригелль согласился на всё. Трынъ права закурилась, знакъ начерченъ на землѣ, слово произнесено и обрядъ совершился. —

Въ эту ночь, — войска опдыхали и въ городѣ и въ спанѣ, — часовые молча ходили взадъ и впе-

редь и медленно перекликались, — вдругъ : какая-то звѣздочка сорвалась съ неба и падаетъ, падаетъ — по шемному своду, за шемный лѣсъ; часовые ошановились : звѣзда пропала — куда? неизвѣсно; только шамь, гдѣ она падала, спруилась еще свѣшная дорожка, и по на минушу; — опять на небѣ шемно и шихо; — часовые опять пошли своею указною дорогою.

Наушро оруженосецъ вошелъ въ палатку Нурредина : „Государь ! какой - то монахъ съ горы Араратской проситъ видѣшь свѣгное лице швое : онъ говоритъ, что имѣетъ важныя шайны сообщитъ тебѣ.“

— Впусти его ! —

— Чего хочешь ты отъ меня, свяшый ошецъ ? —

„Государь ! шесшдесять лѣшь не выходилъ я изъ кельи, въ звѣз-

дахъ и книгахъ испышюя премудрость и тайны созданія. Я проникъ въ сокровенное природы; я вижу внушенность земли и солнца: будущее ясно глазамъ моимъ; судьба людей и народовъ открыта передо мною! . . .“

— Монахъ! чего хочешь ты отъ меня? —

„Государь! я принесъ тебѣ персень, въ кошоромъ заключена звезда швоя. Возьми его, и судьба швоя будешь въ швоихъ рукахъ. Если ты надѣнешь его на мизинецъ лѣвой руки и взглядишь въ блескъ эшаго камня, шо въ немъ предстанешь тебѣ швое счастье; но шамъ же увидишь ты и гибель свою, и отъ себя одного будешь тогда зависѣшь швоя участь, великій Государь. . . .“

— Спарикъ! — прервалъ его Шуррединъ, — если все сокровенное

открыто передъ побой, то какъ же оспалось для шебя шайною шо, что давно извъспно всему міру? — Можешъ бышь только пы одинъ не знаешъ, спольшній опшельникъ, что судьба Нурредина и безъ швоего першня у него въ рукахъ, что счастье его заключено въ мечъ его. Не нужно мнѣ другой звѣзды, кромѣ шой, копорая играешъ на эшомъ лезвѣ, — смощри какъ блещешъ эшо желѣзо: — и какъ умѣешъ оно наказывашъ обманщиковъ! . . . —

При эшомъ словѣ Нуррединъ схвашилъ свой мечъ; но когда обнажилъ его, шо спарый монахъ былъ уже далеко за палашкою царскою, по дорогѣ къ непріятельскому спану. Черезъ нѣсколько минушь оруженосецъ снова вошелъ въ спавку Нурредина.

„Государь! монахъ, кошорый сей часъ вышелъ опъ шебя, возвращался опяшь. Онъ велѣлъ мнѣ вручить шебѣ эшомъ персшень и просить шебя, собспвенными глазами удосповѣришься въ истинѣ его словъ.“

— Гдѣ онъ? Приведи его сюда!—

„Оспавя мнѣ персшень, онъ пошчасъ же скрылся въ лѣсу, кошорый примыкаетъ къ нашему лагерю, и сказалъ шолько, что придетъ завшра.“

— Хорошо. Оспавь персшень здѣсь, и когда придетъ монахъ, пусши его ко мнѣ. —

Персшень не блесшѣлъ богатствомъ украшеній. Круглый опаль, обдѣланный въ золошѣ просшо, шускло опливалъ радужныя краски.

„Неужели судьба моя въ эшомъ камнѣ?—думалъ Нуррединъ. Завшра

вѣрнѣе узнаешь ты свою судьбу отъ меня, дерзкій обманщикъ!“ . . . И между тѣмъ Царь надѣвалъ перспень на мизинецъ лѣвой руки и, смотря на переливчатый камень, старался открыть въ немъ что нибудь необыкновенное.

И въ самомъ дѣлѣ, въ облачно-небесномъ цвѣтѣ эшаго перспня былъ какой-то особенный блескъ, кошораго Нуррединъ не замѣчалъ прежде въ другихъ опалахъ. Какъ будто внутри его была спрятана искорка огня, кошора я играла и бѣгала, то погасала, то снова вспыхивала и при каждомъ движеніи руки разгоралась все ярче и ярче.

Чѣмъ болѣе Нуррединъ смотрѣлъ на перспень, тѣмъ яснѣе отличалъ онъ огонекъ, и тѣмъ прозрачнѣе дѣлался камень. Вопль огонекъ остановился яркою звѣздоч-

кой, глубоко внутри опала, кошораго шуманный блескъ разливался вокругъ нея, какъ воздухъ вечерняго неба, слегка подернушаго легкими облаками.

Въ эпомъ легкомъ шуманѣ, въ эпой свѣшлой, далекой звѣздочкѣ, было что-то неодолимо привлекательное для Царя Сирійскаго; не только не могъ онъ опвеспи взоръ опъ чудеснаго перстня, но, забывъ на эпо время и войну и Оригелла, онъ всѣмъ вниманіемъ и всѣми мыслями ушонуль въ созерцаніи чудеснаго огонька, который, шо дробясь на радугу, шо опашь сливаясь въ одно солнышко, выросшаль и приближался все больше и ближе.

Чѣмъ внимательнѣе Нуррединъ смошрѣль внутрь опала, шѣмъ онъ казался ему глубже и бездоннѣе.

Мало по малу золошой обручикъ перстня превращился въ круглое окошечко, сквозь которое сіяло другое небо, свѣплѣ нашего, и другое солнце, шакое жь яркое, лучезарное, но какъ будшо еще веселѣе и не шакъ ослѣпительно.

Эшо новое небо спановилось безпрестанно блестящѣе и разноцвѣшнѣе, эшо солнце все больше и больше; вошъ оно выросло огромнѣе надземнаго, еще ярче, еще поржешвеннѣе, и хошя ослѣпительно, но все ненаглядно и привлекаштельно. Быспро кашилось оно ближе и ближе, или, лучше сказашъ, Нуррединъ не зналъ, солнце ли приближается къ нему, или онъ лешипшъ къ солнцу.

Вошъ новое явленіе поражаетшъ его напряженныя чувсшва: изъ-подъ капящагося солнца исходипшъ глухой и неявишвенный гуль, какъ бы

ревъ далекаго вѣпра, или какъ спонъ умолкающихъ колоколовъ; и чѣмъ ближе солнце, тѣмъ звонче гуль. Вошь ужъ слухъ Нурредина можешь ясно распознать въ немъ различные звуки: будто тысячи арфъ разноспрунными звуками сливающихся въ одну согласную пѣснь; будто тысячи разныхъ голосовъ различно спроюся въ одно созвучіе, шѣ умирая, шѣ рождаясь, и всѣ повинуюсь одной, разнообразно переливчатой, необъяшной гармоніи.

Эти звуки, эти пѣсни проникли до глубины души Нурредина. Въ первый разъ испыталъ онъ, чшò шакое воспоргъ. Какъ будто сердце его, дошолъ нѣмое, пораженное голосомъ звѣзды своей, вдругъ обрѣло и слухъ и языкъ, шакъ, какъ звонкій мешалъ, въ первый разъ вынесенный на свѣшъ

рукою искусства, при встрече с другим мешаллом, попрыскается до глубины своего сосава и звенишь ему звуком опвѣпнымъ. Жадно вслушиваясь въ окружающую его музыку, Нуррединъ не могъ различить, что изнутри его сердца, что извне ему слышится.

Вотъ прикапавшееся солнце заслонило собою весь круглый сводъ своего неба; все горѣло сіяніемъ; воздухъ спалъ жарокъ, и душень, и ослѣпительность; музыка превратилась въ оглушительный громъ; — но вотъ — пламя исчезло, замолкли звуки и нѣмое солнце упростило лучи свои, хопя еще не переспавало роста и приближашься, свѣпя холоднымъ сіяніемъ восходящаго мѣсяца. Но безпрещанно блѣднѣя, скоро и это сіяніе зашмилось; солнце приняло видъ земли, и вотъ — долетѣло. . . . ударило. . . перевер-

нулось. . . . и — гдѣ земля? гдѣ перстень? . . . Нуррединъ, самъ невѣдая какъ, очутился на новой планетѣ.

Здѣсь все было странно и невидано: горы, насыпанныя изъ граненыхъ брилліаншовъ ; огромные ушесы изъ чистаго серебра, украшенныя самородными рельефами, изящными шапуями, правильными колоннами, выросшими изъ золаша и мрамора. Тамъ ослѣпительныя бѣсѣдки изъ разноцвѣтныхъ кристалловъ. Тамъ роща, — и прохладная тѣнь ея исполнена самаго нѣжнаго, самаго упоительнаго благоуханія. Тамъ бѣесть фоншанъ виномъ кипучимъ и яркимъ. Тамъ свѣшлая рѣка тихо плѣскаешся о зеленые берега свои, но въ эшомъ плесканьи, въ эшомъ говорѣ волнь ешь что-то разумное, что-то понятное безъ словъ, какой-то мудреный раз-

сказъ о несбыточномъ но бываломъ, какая-то сказка волшебная и заманчивая. Въмѣсто вѣпра здѣсь вѣяла музыка; вмѣсто солнца здѣсь свѣшилъ самъ воздухъ. Въмѣсто облаковъ лепали прозрачные образы боговъ и людей, какъ будто снятые волшебнымъ жезломъ съ каршины какого нибудь великаго мастера, они, легкіе, вздымались до неба и плавая въ спиройныхъ движеніяхъ, купались въ воздухъ.

Долго Сирійскій Царь ходилъ въ сладкомъ раздумьи по новому міру, и ни взоръ его, ни слухъ ни на минушу не отдыхали опъ безпреспаннаго упоенія. Но посреди окружавшихъ его прелестей невольно въ душу его шѣснилась мысль другая: онъ со вздохомъ вспоминалъ о той музыкѣ, копорую приближаясь издавала звѣзда его; онъ полюбилъ эту музыку шакъ, какъ будто она была

не голосъ, а живое созданіе, существо съ душою и съ образомъ; шоска по ней мѣшалась въ каждое его чувство, и слышались снова шѣ чарующіе звуки спало шеперь его единственнѣмъ, болѣзненнымъ желаніемъ.

Между шѣмъ въ глубинѣ зеленого лѣса открылся передъ нимъ блестящій дворецъ, чудесно слишой изъ ошпановленного дыма. Дворецъ, казалось, спруился и волновался и переливался и не смотря на шо споялъ неподвижно и швердо въ одномъ положеніи. Прозрачныя колонны жемчужнаго цвѣща были увшшы свѣшлыми гирляндами изъ розовыхъ облаковъ. Дымчашый поршкъ возвышался спройно и радужно, красуясь граціей самыхъ спрогихъ пропорцій; огромный сводъ казался круглымъ каскадомъ, кошорый падалъ во всѣ спороны свѣщ-

лою дугою, безъ рѣки и безъ брызговъ: всё во дворцѣ было живо, всё двигалось, всё играло, и весь онъ казался однимъ лепучимъ облакомъ, а между шѣмъ это облако сохраняло постоянно свои спройныя формы. Крѣпко забилося сердце Нуррединово, когда онъ приблизился ко дворцу: предчувствіе какого-то неиспытаннаго счастія занимало духъ и томило грудь его. Вдругъ распворились легкія двери и, въ одеждѣ изъ солнечныхъ лучей, въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ, опоясанная радугой, вышла дѣвица.

„Это она!“ воскликнулъ Сирійскій Царь. Нуррединъ узналъ ее. Правда, подъ шуманнымъ покрываломъ не видно было ея лица; но по гибкому ея спану, по ея граціознымъ движеніямъ и спройной поступи, развѣ слѣпой одинъ могъ бы не узнать на его мѣспѣ, что

эша дѣвица была та самая Музыка Солнца, кошорая шакъ дѣлала его сердце.

Едва увидѣла дѣвица Сирійскаго Царя, какъ въ шу же минушу обратилась къ нему спиною и какъ бы испугавшись, пустилась бѣжать вдоль широкой аллеи, усыпанной мѣлкимъ, серебрянымъ пескомъ. Царь за нею.

Чѣмъ ближе онъ къ ней, тѣмъ шибче бѣжитъ дѣвица, и тѣмъ болзе ~~Царь ужасяетъ~~ свой бѣгъ.

Грація во всѣхъ ея движеніяхъ; волосы развѣялись по плечамъ; быспрыя ножки едва осщавляютъ на серебряномъ песку свои узкіе, спройные слѣды; но вошь ужь Царь не далеко отъ ней; вошь онъ настигъ ее; хочеть обхвратить ея спройный спань, — она мимо, быспро, быспро, какъ будто Грація обратилась въ Молнію; легко, краси-

во . . . . какъ будшо Молнія обернулась въ Грацію.

Дѣвица исчезла; Царь оспался одинъ, успалый, недовольный. Напрасно искалъ онъ ее во дворцѣ и по садамъ: нигдѣ не было и слѣдовъ дѣвицы. Вдругъ изъ-за куста ему повѣяло музыкой, какъ будшо вопросъ: зачѣмъ пришелъ ты сюда? — Клянусь красою здѣшняго міра — отвѣчалъ Нуррединъ — что я не съ тѣмъ пришелъ сюда, чтобы вредить тебѣ, и не сделаю ничего прошивнаго повоей воли, прекрасная дѣвица, если только ты выйдешь ко мнѣ и хотя на минушу откроешь лице свое. — „Какъ пришелъ ты сюда?“ повѣяла ему та же музыка. Нуррединъ разсказалъ какимъ образомъ доспался ему персень, и едва онъ кончилъ, какъ вдругъ изъ пѣннстой бесѣдки показалась ему та же дѣвица, и въ

по же самое мгновеніе Царь очнулся въ своей палаткѣ.

Перстень былъ на его рукѣ, а передъ нимъ споялъ Ханъ Арбазъ, храбрѣйшій изъ его полководцевъ и умнѣйшій изъ его совѣтниковъ. „Государь! сказалъ онъ Нурредину: покуда ты спалъ, непріятель ворвался въ нашъ станъ. Никто изъ придворныхъ не смѣлъ разбудить тебя; но я дерзнулъ прервать твой сонъ, боясь, чтобы безъ твоего присутствія побѣда не была сомнительна.“

Суровый, разгнѣванный взоръ былъ оповѣстомъ миниспру; нѣхотя опоясалъ Нуррединъ свой мечъ и тихими шагами вышелъ изъ спавки.

Бишва кончилась. — Капайскія войска снова заперлись въ спѣнахъ своихъ; Нуррединъ, возвращаясь въ свою палатку, снова заглядѣлся на перстень. Опяшь звѣзда, опяшь

солнце и музыка, и новый міръ и облачный дворець и дѣвица. Теперь она была съ нимъ смѣлѣе, хопя не хошѣла еще поднятъ своего покрывала. —

Капайцы сдѣлали новую вылазку. Сирійцы оныяшъ опразили ихъ; но Нуррединъ поперялъ лучшую часпъ своего войска, кошорому въ бившѣ уже немного помогала его рука, бывало неодолимая. Часпо въ пылу сраженія Сирійскій Царь задумывался о своемъ перспнѣ, и посреди боя оставался равнодушнымъ его зришелемъ, и бывши зришелемъ, казалось, видѣлъ что-шо другое.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ Царю Сирійскому наскучила шревога боеваго спана. Каждая минуша, проведенная не внушри опала, была ему невыносима. Онъ забылъ и славу и кляшву: пер-

вый послалъ Оригеллу предложеніе о мирѣ, и заключивъ его на посшдыныхъ условіяхъ, возвратился въ Дамаскъ; поручилъ Визирямъ правленіе Царства, заперся въ своемъ чершогѣ, и подъ смертною казнію запретилъ своимъ царедворцамъ входить въ царскіе покои безъ особеннаго повелѣнія.

Почши все время проводилъ Шуррединъ на звѣздѣ, близъ дѣвицы; но до сихъ поръ еще не видалъ онъ ея лица. Однажды, шронушая его просьбами она согласилась поднятъ покрывало, и шой красшпы, кошорая явилась шогда передъ его взорами, не возможно выразишь словами даже магическими, — и шого чувшва, кошорое овладѣло имъ при ея взглядѣ, невозможно вообразишь даже и во снѣ. Если въ эту минушпу Сирійскій Царь не лишился жизни, шо конечно не опъ шого, чшо-

бы люди не умирали опъ восшор-га, а вѣрояшно пошому шолько, что на шой звѣздѣ не было смерши.

Между шѣмъ миниспры Нурредины думали болѣе о своей выгодѣ, чѣмъ о пользѣ государшва. Сирія изнемогала опъ неуспройшвѣ и беззаконій. Слути слугъ миниспровыхъ ушѣсняли гражданъ; почесши сыпались на богашыхъ; бѣдные спрадали; народомъ овладѣло унынїе, а сосѣди смѣялись.

Жизнь Нурредина на звѣздѣ была серединою между сновидѣнїемъ и дѣйствительностью. Яснось мыслей, связность и свѣжесль впечатлѣнїй, могли принадлежать шолько жизни на явѣ; но волшебство предметовъ, но непрерывное упоенїе чувствъ, но музыкальность сердечныхъ движеній и мечтательность всего окружающаго уподобляли жизнь его болѣе сновидѣнїю, чѣмъ дѣйстви-

пельности. Дѣвица Музыка казалась также слияніемъ двухъ міровъ. Душевное выраженіе ея лица, безпрестанно измѣняясь, было всегда согласно съ мыслями Нурредина, такъ, что красота ея представлялась ему сколько же зеркаломъ его сердца, сколько отраженіемъ ея души. Голосъ ея былъ между звукомъ и чувствомъ: слушая его Нуррединъ не зналъ, почто-ли слышитъ онъ музыку, или всё шихо и онъ только воображаетъ ее? Въ каждомъ словѣ ея находилъ онъ что-то новое для души, а всё вмѣстѣ было ему какимъ-то счастливымъ воспоминаніемъ чего-то дожитеннаго. Разговоръ ея всегда шелъ туда, куда шли его мысли, такъ какъ выраженіе лица ея слѣдовало всегда за его чувствами; а между тѣмъ все, что она говорила, безпрестанно возвышало его прежнія понятія, такъ,

какъ красота ея безпресшанно удивляла его воображеніе. Часто, взявшисьъ рука съ рукою, они молча ходили по волшебному міру; или, сидя у волшебной рѣки, слушали ея волшебныя сказки; или смошрѣли на синее сіяніе волшебнаго неба; или, опдыхая на волнистыхъ диванахъ облачнаго дворца, спарались собратъ въ опредѣленные слова все разсѣянное въ ихъ жизни; или разосплавъ свое покрывало, дѣвица обращала его въ коверъ самолѣтъ, и они вмѣстѣ взлешали на воздухъ, и купались и плавали среди красивыхъ облаковъ; или поднявшись высоко, они опдавались на волю случайнаго вѣтра и неслись быстро по безпредѣльному пространству, и уносились куда взоръ не дойдетъ, куда мысль недоспигнетъ, и лешѣли и лешѣли, такъ, что духъ замиралъ. . . .

Но положеніе Сиріи безпрестанно спановилось хуже, и шѣмъ опаснѣе, что въ цѣлой Азіи совершались тогда страшные перевороты. Древніе грады рушились; огромныя царства колебались и падали; новыя возникали насильственно; народы двигались съ мѣстъ своихъ; неизвѣстныя племена набѣгали неизвѣстно откуда; предѣловъ не сшало между государствами; никто не вѣрилъ завтрашнему дню; каждый дрожалъ за текущую минуту; одинъ Нуррединъ не заботился ни о чѣмъ. Внутреннія неуспроекства со всѣхъ сторонъ открыли Сирію внѣшнимъ врагамъ; одна обласъ отпадала за другою, и уже самыя близорукіе умы начинали предсказывать ей близкую гибель.

„Дѣвица! сказала однажды Нуррединъ дѣвицѣ Музыкѣ: поцѣлуй меня!“

— Я не могу — отвѣчала дѣвица: — если я поцѣлую тебя, то лишусь всего опличія моей прелести: и красошой своею сравняюсь съ обыкновенными красавицами подлунной земли. Есть однако средство исполнить твое желаніе не теряя красошы моей. . . . оно зависить опъ тебя. . . . послушай: если ты любишь меня, отдай мнѣ перстень свой: блестя на моей рукѣ онъ уничтожитъ вредное дѣйствіе твоего поцѣлуя. —

„Но какъ же безъ перстня приду я къ тебѣ?“

— Какъ ты теперь видишь мою землю въ эпомъ перстнѣ, такъ я тогда увижу въ немъ твою землю: какъ ты теперь приходишь ко мнѣ, такъ и я приду къ тебѣ — сказала дѣвица Музыка, и одной рукой снимая перстень съ руки Нурредина, она обнимала его другою. И въ то

мгновеніе, какъ успа ея коснулись успъ Нуррединовыхъ, а перспень съ его руки першелъ на руку дѣвицы, въ шо мгновеніе, продолжавшееся можешъ бышь и болѣ одной минушы, новый міръ вдругъ исчезъ вмѣстѣ съ дѣвицей, и Нуррединъ, еще успалый опъ восторга, очутился одинъ на мягкомъ диванѣ своего дворца.

Долго ждалъ онъ обѣщаннаго прихода дѣвицы Музыки; но въ эшошъ день она не пришла; ни черезъ день, ни черезъ два, ни черезъ мѣсяць, ни черезъ годъ. Напрасно разсылалъ онъ гонцовъ во всѣ концы свѣша искашь Арарашскаго ошшельника; уже и послѣдній изъ нихъ возвратился безъ успѣха. Напрасно испощалъ онъ свои сокровища, скупая оповсюду круглые опалы; ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ онъ звѣзды своей.

„Для каждаго челоѣка есть одна звѣзда—говорили ему Волхвы: ты, Государь, пошерялъ свою, другой уже не найдишь тебѣ!“ —

Тоска овладѣла Царемъ Сирійскимъ, и онъ конечно не задумался бы утопить ее въ спуденыхъ волнахъ своего златопесчанаго Бардинеза, если бы только вмѣстѣ съ жизнію не боялся лишиться и послѣдней шѣни прежнихъ наслажденій — груснаго, тѣмнаго наслажденія: *вспоминать* про свое солнышко!

Между шѣмъ пошъ же Оригелъ, который недавно шрепешалъ меча Шуррединова, шеперь самъ осаждалъ его столицу. Скоро шѣны Дамасскія были разрушены, Кашайское войско вломилось въ Царскій дворецъ и вся Сирія, вмѣстѣ съ Царемъ своимъ, подпала подъ власть Кашайскаго Императора.

„Вошь примѣръ коловрашно-
 спи счастья — говорилъ Оригелль,
 указывая полководцамъ своимъ на
 окованнаго Нурредина: шеперь онъ
 рабъ и вмѣстѣ съ свободою ушра-
 шиль весь блескъ прежняго имени.
 Ты заслужилъ свою гибель — продол-
 жалъ онъ, обращаясь къ Царю Си-
 рійскому, — однако я не могу отка-
 зать тебѣ въ сожалѣннн, видя въ
 несчастнн швоемъ могущество судь-
 бы еще болѣе, чѣмъ собшвенную
 вину швою. Я хоту, сколько мож-
 но, вознаградишь тебя за потерю
 швоего шрона. Скажи мнѣ: чего хо-
 чешь ты отъ меня? О чемъ изъ
 ушраченнаго жалѣешь ты болѣе?
 Кошорый изъ дворцовъ желаешь ты
 сохранишь? Кого изъ рабовъ оспа-
 вишь? Избери лучшн изъ сокровищъ
 моихъ и, если хочешь, я позволю
 тебѣ быть моимъ намѣшникомъ на
 прежнемъ швоемъ прешолѣ!“

— Благодарю шебя, Государь! — олавѣчалъ Нуррединъ: — но изъ всего, что ты опнялъ у меня, я не жалѣю ни объ чемъ. Когда дорожилъ я власшю, богашспвомъ и славою, умѣлъ я бышь и сильнымъ, и славнымъ, и богашымъ. Я лишился сихъ благъ шолько шогда, когда переспалъ желашъ ихъ, и недосшойнымъ попеченія моего почишаю я шо, чему завидуюшь люди. Суеша, всѣ блага земли! суеша всё, что обольщаешъ желанія челоувѣка, и чѣмъ плѣнишельнѣе, шѣмъ менѣе истинно, шѣмъ болѣе суеша! Обманъ все прекрасное, и чѣмъ прекраснѣе, шѣмъ обманчивѣе; ибо лучшее что ешь въ мѣрѣ, эшо — мечта.

И. К.

30 Декабря 1830.

Москва.

МАЛОРОССИЯНКАЪ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Внимая вамъ, глядя на васъ ,
 Исполненъ былъ я думы пайной:
 Звукъ вашихъ словъ, свѣтъ вашихъ глазъ
 Сближали вновь меня съ Украйной.
 Ея всегдашняя краса
 И пѣсень звукъ душою полный ,
 Ея поля и небеса ,
 Переяславль, Днѣпровски волны
 И Кіевскія высопы —
 Все живо пакъ мнѣ вспоминалось !
 Тамъ много для моей мечпы ,
 Для жизни мало пакъ оспалось . . .
 Тамъ жизнь моя лишь въ сладкомъ снѣ !
 Но весель буду мыслью пою
 Чпо на родимой споронѣ,
 Взглянувъ на сей листокъ , порою
 Вы вспомните и обо мнѣ.

1830, 4 Мая.

КЪ СЕСТРЪ.

Когда наспанеть часъ желанной
 Разлуки съ жизнью шуманной,
 И опъ земныхъ сяжелыхъ узъ
 Я равнодушно опложусь:
 Миръ вѣчной жизни пихій, ясный
 Тогда почіелъ на челъ;
 Но пережипъ тебя ужасно,
 Покинушь сяжко на земль!
 Тогда въ душъ, для усладенья
 Минушы смерпнаго помленья,
 Я положу завѣшь сяпой . . .
 И жди меня въ часы полночи,
 Когда людей смежался очи
 И мѣсяць вспанеть надъ рѣкой.
 Приду на крапкое свиданье,
 Скажу, чпò я узнала тамъ,
 И замогильныя желанья,
 И шайну неба передамъ!

Н. Теплова.

ВЕСЕЛЫЕ ЗЛЫДНИ. I

(Русская сказка.)

Злыдни скачуть , неволя учишь ,
а чужіе хлѣбы спашь не даюшь.

Рус. пословица.

1. Спасибо.

Были два брата , оба жена-
ные ; только старшій Панкратъ
былъ ~~очень~~ богашъ , а меньшей
Иванъ голъ какъ соколъ. А нача-
лась бѣдность Иванова съ того ,
что Панкратъ силою неправдой
завладалъ всѣмъ опщовскимъ доб-
ромъ. Самъ онъ Ивана обидѣлъ , да

1 Подъ именемъ *Злыдней* въ народ-
ныхъ Русскихъ сказкахъ разумѣюся
недобрые хозлева домовъ или злые
домовые.

его-жъ возненавидѣлъ ; и не полько ни чѣмъ ему не помогаль, да и въ домъ къ себѣ не пускаль. Не даромъ говоришся : мужикъ богашый чшо быкъ рогашый. —

Убогій Иванъ жилъ въ бѣдной лачугѣ ; молоть на жерновахъ , и пѣмъ доспаваль себѣ хлѣбъ насущный. — Вошь однажды въ брашнинны именины Иванъ сказалъ женѣ своей : знаешь, жена! наловлю-ка я рыбы , да снесу къ брашу съ поздравленьемъ. — „Чшо-жь , хорошо ! — сказала она: авось онъ для своего Ангела и даспъ намъ чшо-нибудь на бѣдноспь !“

Ивану какъ нарочно рыба попадалась все ошборная , и онъ пошелъ къ брашу ; увидаль его на дворѣ , поклонился ему , поздравиль съ Ангеломъ и опдалъ ведро съ рыбою. — „Славная рыба ! — сказалъ Панкрашъ : спасибо , брашъ ,

спасибо!“ и ушелъ себѣ. — До слезъ грустно спало бѣдному Ивану. Богъ съ тобой! подумалъ онъ, и пошелъ со двора, повѣсивъ свою распобѣдную головушку.

На дорогѣ повстрѣчался ему старичокъ, и говоритъ: „что ты, дѣтинушка, идешь шакой невеселый? “ — Ахъ! грустно, старинушка! отвѣчалъ Иванъ, и рассказалъ ему про ласку своего брата и про его *спасибо*. — „Что жь! — сказалъ старикъ: — вѣдь *спасибо* дѣло великое; за него можно дорого дать; — продай мнѣ его!“ — Нѣ въ пору шушка! сказалъ Иванъ. „Нѣтъ, я не въ шушку хочу купить; право продай!“ — Какъ же мнѣ продашь его: бери пожалуй и даромъ! — „Такъ спасибо мое!“ — сказалъ старикъ; сунулъ ему мощну въ руку, а самага — какъ не бывало. — Иванъ посмопрълъ:

мошна полна золоша. Сошворилъ крестное знаменіе, перекрестилъ мошну: въ мошнѣ золошо! Съ радостію побѣжалъ онъ къ женѣ, и пересказалъ ей все до слова. — „Божія благодашь! — сказала жена: — бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ! Только знаешь Иванъ, намъ ужъ оспаваться шушь не приходишься; увидяшь, что мы вдругъ разбогашѣли, спанушь шолковашь невѣшь что. . . перейдемъ-ка жишь на другое мѣсто!“ — Иванъ согласился. Перевозисья имъ было не громоздко; сборы скоры — копомки на плеча, поклонъ спарому пепелищу — да и ошправились за рѣку на новое мѣсто. Купили домъ, и пошли себѣ богашѣшь; удача во всемъ — не жишье, а масляница!

Однажды, какъ разговорились они между собою, да спали вспо-

минашь про свое прежнее горемыч-ное жипье, жена сказала: „неладно, Иванъ, что мы оставили пакъ свои жерновѣшки! Какъ они кормили насъ, ты за ними глядѣлъ; а шеперь, какъ не надобны спали, ты про нихъ и забылъ!“ — Правда швая! сказалъ Иванъ: сей часъ же пойду, да провѣдаю, что-то дѣлаешься съ вами, мои спарые други, жернова — мои кормильцы?...

Пришелъ — и видишь, что его спарая хижина кругомъ заросла полынemъ и высокимъ шапарникомъ; кровлю разнесло вѣтромъ; спѣны чупъ держашся. Вошь онъ взялся уже за дверь, какъ вдругъ почудились ему голоса. Прислушался — и вправду спеняшъ два гóлоса: „злodeй Иванъ, спалъ богашъ, насъ покинулъ, заперъ шупъ на мýку!“ — Иванъ поскорѣй въ сѣни — голоса въ избѣ; онъ шуда —

и къ нему кинулись двое пощихъ, испитыхъ. „Эшо ты, нашъ кормилецъ! забылъ нашу службу! покинулъ насъ!“ — Кто вы такіе? я васъ не знаю! — сказалъ Иванъ. — „Не знаешь! видно забылъ уже: мы швои вѣрныя слуги, мы швои Злыдни!“ — Богъ съ вами! сказалъ Иванъ: мнѣ васъ ужь не надо! — „Нѣшъ, мы ошъ шебя не опсшанемъ; рады ошъ служимъ шебѣ!“ — Поспойше-жь! — думаетъ Иванъ, и говоритъ имъ: хорошо, я возьму васъ; шолько надо взять съ собою и жернова, — берише-ка! — и онъ припушалъ къ нимъ на спину жернова, и велѣлъ ишши впереди себя. Надо было переходимъ черезъ рѣку — по мосу, — и какъ были они надъ самымъ глубокимъ мѣспомъ, онъ шолкнулъ ихъ въ рѣку, и они съ жерновами пошли какъ ключъ ко́ дну.

Тутъ вамъ и мѣсто! — сказалъ Иванъ, и пришедши домой, пересказалъ женѣ все до слова.

Вошъ они опяшь живушъ себѣ да богашъюшъ; — ошкуда чшо берешся! — Позвашь-бы браша съ невѣспкою въ госпи, — сказалъ однажды Иванъ женѣ. „Чшо-жь, хорошо! пускай посмошряшъ и нашего добра.“ — Иванъ пошелъ къ брашу, а жена принялась за сшряпню.

Когда Иванъ спалъ просить къ себѣ браша, шощъ посмошрѣлъ на жену свою: чшо скажетъ она? „Ну, чшо-жь! — ошвѣчала она: пойдѣмъ, хошъ похохочемъ на голуу брашью!“ —

Только, какъ пришли они къ Ивану да увидали, чшо довольсшво его было почище ихняго, гордячкѣ спало не до смѣху: зло взяло ее ошъ зависпи. Но дѣлашъ было нѣ-

чего ; Иванъ ихъ запошчивалъ ; — у невѣспки-жь всё съ ума нешло : какъ эшо разбогашѣли они , голые черпи ? — И спала она помаленьку выпышывашъ у жены Ивановой ; а ша спросша нѣвеселѣ всё и пересказала . — Лишь услыхала невѣспка про Злыдней , — ей топчасъ вспало на мысль опяшь напустишь ихъ на Ивана , чшобы разорить его . И спала она шоропишь мужа домой .

„Ну , брашъ Иванъ , *спасибо* за угощенье ! — сказалъ Панкрашъ : живи себѣ съ Богомъ ; а намъ пора до двора !“ — Иванъ осшавлялъ ихъ ; хошѣлъ проводишь ; но они ошказались .

На дорогѣ жена рассказала Панкрашу про Злыдней ; и когда подошли къ рѣкѣ , она велѣла ему высвободишь ихъ изъ воды . Панкрашъ полѣзъ въ воду и перерѣзалъ

верёвку на жерновахъ. — „Ахъ ты, благодѣшель нашъ!“ простонали Злыдни. Панкрашъ спалъ посылашь ихъ къ Ивану. „Какъ! намъ ипши къ этому злодѣю? Нѣшъ, мы ужъ спанемъ служишь тебѣ! Ты нашъ благодѣшель, ты нашъ избавишель!“ . . . „Къ Ивану, къ Ивану подише служишь! шамъ будешъ вамъ привольное жишь!“ — говорилъ имъ Панкрашъ съ женою. — „Ой-ли!“ — сказали Веселые Злыдни — и ихъ какъ не бывало. А Панкрашъ съ женою — ногъ подь собою не слышали опъ радости, и всю ночь имъ грезилось во снѣ: какъ разоряешся Иванъ; какъ онъ приходишь къ нимъ въ нищешъ, и какъ они угощающъ его своимъ *спасибо*. . .

Но не такъ вышло на дѣлѣ. Мужикъ съ мужика хочешъ голо-

ву сняшь, а Богъ не даешъ и воло-
са взяшь. Иванъ живешъ себѣ какъ
у Хрисша за пазухой; а Панкрашъ
разоряешся въ разоръ. Невѣдомо
какъ, невѣспъ куда чшо дѣваеш-
ся, — все какъ дуванъ берешъ.
И вошь у него — чшо было, всё
сплыло! — Злишся Панкрашъ, бѣ-
сися жена его; а Веселые Злыд-
ни шихомолкомъ рабошаюшъ у
нихъ свое дѣло, да смѣюшся се-
бѣ изъ под - шишкà на голую
брашью.

2. Смѣхъ и горе.

Черные, злые дни наспали для
Панкраса. Какъ бышь! пришла
бѣда, опворяй вороша.

— Чшо эшо спалось съ бѣднымъ
Панкрасомъ? говорили сосѣди. Мно-
го у него было, да бѣліемъ поро-

сло — говорили другіе. Видно Богъ опшсупился опъ него — говорили претіе: жилъ не по Хрисшіянски, и конецъ ему непупный. —

Жена Панкрашова не вынесла своего разоренія, а злая зависпъ на богапштво Иваново вѡвсе разорила ей душу : она удавилась.

Жена Панкрашова уже покойница; но *правды* нѣ куда дѣвашь, и всякому она по дѣломъ, — по дѣломъ вору мука. Хвалишь дурное значишь ложь, молчашь про дурное будешь неправда; а ложь и неправда — всё одинъ чоршъ на дьяволъ. Опъ кого не было добра людамъ, нѣшъ шому и доброй памяши на семь свѣшъ; здѣсь долгъ плашежемъ красенъ!

Попшому-шо хопя Панкрашова жена спала уже и покойница; но

прочее нельзя не сказать, что она, старая корга (не шѣмъ будь помянуша!) была пренегодная шварь: злая, скупая, гордая и нечеспивая. Не смотря на то, она приходилась Панкрашу по нраву; и онъ жилъ съ нею шакъ ладно, что эши мужъ и жена подлинно были одна сашана.

Жалко и спрашно спало Панкрашу жены своей, когда ее постигла такая смерть (проспи Господи!) хуже собачьей. — Вошъ онъ вырылъ яму подъ деревомъ возлѣ дому; подъ - вечеръ онъ положилъ грѣшное неопѣшное шѣло въ машъ сырую землю, загребъ его, и припалъ на могилу, — а могила безъ кадила что угольная яма! — Долго лежалъ Панкрашъ; никпо не йдешъ раздѣлишь его горя. Но вошъ — почудился ему шорохъ въ шемномъ дому: будшо шепчущъ и смѣющся. При-

поднявъ голову, онъ вслушивается: пишина мершвая! Но вошъ — опяшь кшо-шо ходишь, кшо-шо вздохнулъ и словно заплакалъ. Дрожь пробѣжала по немъ . . . хошѣлъ онъ перекреститься; да пальцы не складывающся и рука не поднимается — словно дерево корнями приросла она къ могилѣ. — Вошъ опяшь слышно . . . „Кшо шамъ?“ спросилъ Панкрашъ. Никшо не опзывается; пишина мершвая. . . вдругъ громкій хохощъ раздался въ пошѣмкахъ — и опяшь все зашихло. У Панкраша зазвенѣло въ ухахъ и замерло сердце. „Кшо шамъ?“ проспоналъ онъ. „Эпо мы, мы швои Веселѣе Злыдни! Мы поминаемъ швою покойницу. Мы спанемъ пошѣшашъ тебѣ!“ . . . и съ эшими словами раздался такой хохощъ, что смѣшно спало самому Панкрашу. Онъ вскочилъ

съ могилы, зашряся, запрыгаль и захохоталь во все горло. „Славно, Панкрашъ! пошѣшилъ насъ! спасибо за угощенье!“ — кричали ему веселѣе Злыдни; и ихъ хохотъ, свистъ, плескъ спрашно гремя въ ушахъ Панкраша. Какъ бѣшеный онъ кинулся, бѣжашъ куда глаза глядяшъ; а глаза глядяшъ не видя куда бѣжашъ ему. . . .

Съ той поры Панкрашъ скишался вездѣ въ околоскѣ, прося по подоконью себѣ милоспыни, — не смѣя только перейши черезъ рѣку, за кошорою жилъ брашъ его. Слѣдомъ за Панкрашомъ вездѣ ходила Бѣда его неминучая, — и самъ онъ слонялся какъ Горе — *лыкомъ подпоясанный, моѳалами ноги спутаны* . . .

Всякій разъ какъ насшупаль вечеръ, ему начинали видѣшся Злыдни,

слышался ихъ хохопъ, и онъ самъ начиналъ хохотать какъ безумный.

Безумнымъ и прослылъ онъ въ народѣ. Матери спращали имъ дѣшей и сами боялись его; — подавъ милоспыню, онъ поропливо задвигали свои окна. — Бывало и днемъ, когда Панкрашъ кому нибудь за подаяніе скажешь *спасибо*: эшо слово шипѣло и свиспѣло ему въ уши, — начиналъ ему слышашься хохопъ, всё громче, громче, и наконецъ какъ ударъ грома шрещаль въ головѣ его . . . Тупъ онъ вздрагиваль; рука его невольню поднималась на крѣспъ, а чершила по воздуху какіе-шо мудрѣные знаки, словно кшо нибудь придерживаль ее сзади. Онъ оглядывался: за нимъ бѣгущъ двое пощихъ, испишыхъ... онъ бѣжишъ опъ нихъ съ дикимъ хохотомъ, бѣжишъ спремглавъ, словно въ запуски, — падаешъ, бьешся

о землю и заливаешься со смѣху. Люди со страхомъ глядѣли на эту дьявольскую пощѣху, приговаривая со вздохомъ: помилуй Господи!

Въ селѣ, близъ кошораго стоялъ Панкрашовъ домъ, какъ опальный, подѣ Ивановъ день былъ праздникъ. Парни и дѣвицы вышли за село на свои обрядныя игры. — Вдругъ запылалъ домъ Панкрашовъ. Побѣжали на пожаръ. Домъ уже догоралъ; а подѣ деревомъ сидѣлъ Панкрашъ, схватясь руками за бока: волосы на немъ обгорѣли; выпущенные глаза защекали кровью; лице было сведено судорогами; спрашно блеснѣли его бѣлые зубы, оскаленные смершнымъ хохомъ. —

Пожарище Панкрашово съ той поры считалось нечисшымъ мѣспомъ. Никшо не ходилъ шуда. Говорили, что каждый годъ, въ ночь подѣ Ивановъ день, шамъ пы-

шесть пламя , раздаешия громкій хохощъ. —

Черезъ семь лѣтъ, одинъ смѣльчакъ выспроился на шомъ мѣспѣ; и въ шомъ же годъ умерла у него жена , сгорѣлъ домъ. Послѣ шого въ народѣ говорили , что Панкрашъ все еще былъ хозяиномъ своего мѣспа , и что онъ спалъ самый злой Злыдень.

3. *Адамова голова.*

Прошло еще лѣтъ сто, а можеть бысть и больше. — *Панкратовымъ пожарищемъ* уже называлось урочище, поросшее гусшымъ лѣсомъ. Панкрашъ спалъ уже народною сказкою , кошорую пересказывали не боясь его.

У владѣльца шого лѣса выпалось поле , и онъ спалъ выжигать лѣсъ, чшобы сдѣлать изъ него плодоносную ниву.

На этомъ новомъ пожарищѣ крестьянинъ распахивалъ землю и выдиралъ изъ нея корни. Въсплѣсь корнями онъ выворошилъ изъ земли человѣческія коспи; бережно спалъ вынималъ и складывалъ ихъ, — и когда взглянулся въ потемнѣвшій черепъ — ему показалось, что черепъ смѣется. Тутъ вспомнилъ онъ сказку о Панкратѣ, и съ ужасомъ побѣжалъ съ поля.

Но страхъ крестьянина былъ напрасенъ: плѣ коспи могли бытъ и не Панкратовы. Крестьянину видно въ первый разъ довелось видѣть человѣческій черепъ; не то, онъ зналъ бы, что на извѣстковомъ оспашкѣ разумной головы всегда осмается усмѣшка.

Чудное дѣло! жизнь скорбишь, воздыхаешь; а смерть покоишься съ усмѣшкою! . . .

Или жизнь на *этомъ свѣтѣ* такое бѣдѣвое дѣло, что не только душа порывается изъ нея на *тотъ свѣтъ*, будто райская птичка изъ клѣтки на вольную волю; но и пруженныя кости, испивъ мерзкую чашу жизни, ложапся въ гробъ съ побѣднымъ веселіемъ, и имъ любо подъ землею? . . .

Или эшопъ ослабленный черепъ естъ *хозяинъ* въ шѣлесномъ домѣ души — споль же недобрый и разорительной для своей жилицы, какъ Веселые Злыдни Ивановы? . .

О, тогда пусть скорѣе вешаешь брѣнное шѣло! пускай съчешся дождемъ, горишь огнемъ, разносится въпромъ и поростаешь шерніемъ старое пепелище души! Ей нѣчего бояться покинуть его. Ей не жаль тогда пошопить своихъ Злыдней въ могилу, съ шяжелымъ жерновомъ жишейскаго попеченія.

На своемъ вѣковѣчномъ мѣ-
 сѣ , шамъ — за рѣкою времени ,
 будешь ей прямое жишье — при-
 вольное , любовное . Туда не при-
 душъ уже къ ней прежніе *недоб-*
рые хозяева . И горе шому невѣр-
 ному брашу , кошорый съ нечи-
 сшой душою повспрѣчалъ бы при-
 зывный привѣшъ родной души — ея
 легкой *образъ* , ея вѣрное *слово* , или
 мысль *благодатную* . . . .

Но обо всемъ эшомъ осшав-
 ляю вамъ самимъ , Богу милые чи-
 шашели ! думашь , еще думашь , и
 рѣшишь по-своѣму ; ибо сколько
 головъ , шолько и умовъ , всякій
 молодець на свой образецъ , а моей
 сказкѣ —

К о н е ц ъ

Вамъ на послушанье ,
 Душамъ во спасенье !

М.

А. Н. В ~~Ан~~фу.

Прошли молодые наши годы!
 Ты , провозвѣспникъ и герой
 Моихъ стиховъ и другъ природы,
 И я — давно мы жребій свой
 Нѣмецки шумный и живой ,
 Перемѣнили на иной.
 Тебя звала надежда славы
 Подъ громъ войны , въ поля кровавы;
 И вдругъ оспавилъ пы меня ,
 Ученый бытъ , бесѣды наши ,
 Заспольны пѣсни, пѣнны чаши.
 И вспрянулъ гордо на коня!
 А я — спуденческому міру
 Сказавъ задумчиво: прощай,
 Я перенесъ разгульную лиру
 На Русь, въ опечественный край —
 И памъ въ Москвѣ первопреспольной,
 Пишомецъ жизни своевольной ,
 Безпечно - вѣпренный поэтъ ,
 Терялся я въ шолпѣ суепъ,
 Чуждъ вдохновенныхъ наслаждений

И поэпическихъ заботъ,
 Да пиль бездѣйствія и лѣни
 Снопворно дѣйствующій мѣдь.
 Но вопшь — хвала и слава Богу!
 Я вышель снова на дорогу,
 И снова миль мнѣ Божій свѣпшь!
 Прими-жь привѣпшь, спрана родная,
 Моя прекрасная, свяпая,
 Глубокій, полный мой привѣпшь!
 Опнынѣ вся моя судьбина
 Тебѣ! люби же и ласкай
 И береги меня, какъ сына;
 И мнѣ души не угнепай!
 Даруй пѣвцу пріюпшь смиренной
 Въ виду опеческихъ лѣсовъ
 Жипшь самобыпно, неизмѣнно
 Для думъ завѣпныхъ и спиховъ!
 Крѣпка нескованная дума,
 Блеспящъ и звонокъ вольный спихъ!
 Здѣсь не слыхатъ градскаго шума,
 Здѣсь не видапшь суепшь градскихъ;
 И въ сей глуши всегда - спокойной,
 Къ большимъ прудамъ и къ жизни спройной

Легко мнѣ душу пріучить ;
 Легко навѣчно разлюбить
 Уста и очи дѣвъ-красавиць ;
 Привѣпы гордыхъ молодежи ,
 И пѣсни пламенныхъ пѣвиць ,
 И пляски пламенныхъ плясавиць !
 Поклонъ вамъ, прежнія мои . . . .
 Пляшите, пойте, процвѣтайте ,
 Великолѣпно оживляйте
 Пирь и шалоспи любви !
 Довольно чувствъ и вдохновеній
 Я прогулялъ — и мнѣ пора
 Познать себя, вкусить добра ,
 Небуйныхъ, ~~презвѣжъ~~ наслажденій! —
 Мой другъ! поздравъ же ты меня
 Съ восходомъ счастливаго дня ,
 Съ давно - желанной, мирной долей ,
 Съ веселымъ сердцемъ, съ вольной волей,
 Съ живымъ трудомъ наединѣ !
 Я руки въ боки упираю
 И вдохновенно восклицаю :
 Здѣсь дома я, здѣсь лучше мнѣ ! . . . .
 Вошь шакъ - по мы ослепенились !

Но сладко вспомнишь намъ , подь-часъ
 Почтенный градъ, гдѣ мы учились,
 Гдѣ мы привольно веселились ,
 Гдѣ мы любили въ первый разъ...
 Возьми жь, ему въ воспоминаше,
 Вопшь это песпрое собранье
 Моихъ риемованныхъ проказь:
 Тупь, какъ вино въ хрустальной чашѣ,
 Знапокъ, насквозь увидишь пы
 Всѣ думы, чувства и мечты ,
 Игру и блескъ свободы нашей —
 Красу минувшаго жипня!
 Храни спихи мои, какъ я
 Храню фуражку удалую
 Съ моею спуденпской головы,
 Да кудрю шемно - золопую
 Одной красавицы — увы! —
 Когда-то милой мнѣ, когда - то
 На вешнемъ воздухѣ полей
 Въ пѣни ракиповыхъ вѣпвей....
 Храню поржеспвенно и свяпо
 Трофеи младоспи моей!!

1833. Мая 15.

Н. Языковъ.

ВЪЩІЙ СОНЪ.

(Б ы л ь.)

Григорій.

И три раза мнѣ снился пошъ-же сонъ.
Не чудно-ли ?

Пиленъ.

Младая кровь играешъ.
Пуш кипъ.

То было упромъ, въ прошедшемъ Юлѣ мѣсяцѣ. Прелесная Графиня N., жившая тогда на дачѣ близъ Москвы, небрежно лежала на канапе, обнявъ одной рукой вышитую по конвѣ подушку, а другую просянувъ сидѣвшему напросивъ нея Докшору. Изъ томнаго ея взора, усшалаго лица, и слабо, неровно бившагося пульса, видно было, что она нездорова. Докшоръ, держа руку Графини, хранилъ

пошъ безспрасный видъ , подъ кошорымъ опышный врачъ умѣешь скрывать и свою мудрость и свое невѣжество , и свою убійспвенную самоувѣренность и свое недоувѣрие къ средствамъ Медицины. Въ его пожелшѣлыхъ глазахъ равно можно было прочесъ и смершный приговоръ и ручашельство за долголъшіе. Съ недоумѣніемъ смопрѣла на него Графиня, и не знала спрашиться ей , или радовашься.

— „О , это ничего , сударыня ! сказалъ наконецъ Докшоръ ; у васъ маленькая лихорадочка. Признайшесь : вы слишкомъ безпокоишесь о Графѣ? Чшо же дѣлашь ! Правда , шяжело бышь врознь съ человѣкомъ, кошорый не болѣе полугода носишь завидное названіе вашего мужа ; однако. . . .“

— Докшоръ ! о , если-бы вы знали. . . .

Тупшъ Графиня принужденно улыбнулась, и послѣ нѣкошораго молчанія продолжала :

— Но вы все эшо назовеша вздоромъ. . . . Право, я спыжусь сказаць вамъ . . . знаете ли, чшо я не увижу своего Вольдемара ?

— „Въ самомъ дѣлѣ ? Какъ шакъ ?“

— Помнише ли, чшо онъ, уѣзжая по дѣламъ въ деревню, обѣщаль ворошишься къ 1-му Сентября, ~~дне моего~~ рожденія ? А я умру, непременно умру въ Августѣ мѣсяцѣ.

— „Вы меня удивляете, Графиня.“ И сказавъ эшо, Докшоръ сомнишельно посмошрѣлъ на больную.

Графиня поняла мысль его.

— Вы слишкомъ скоро судише, любезный Докшоръ — сказала она; — я въ полномъ умѣ ; но между шѣмъ. . . . какое дураче-

ство! . . . скажите , вѣрите ли вы снамъ?

Докторъ , вмѣсто отвѣта , взялъ снова руку Графини ; но не найдя въ ней ни малѣйшаго жару , опустилъ ее и сказалъ :

— „Простите меня, Графиня: я думалъ вы. . . въ бреду.“

— И конечно оспанешесь при эщомъ мнѣнїи , — отвѣчала больная , — когда услышите сегодняшній мой сонъ. Вы знаете , что я снамъ не вѣрю ; но эщомъ оспавилъ во мнѣ такое впечатлѣнїе , что я до сихъ поръ не приду въ себя. Слѣдуя вашему совѣшу , я легла съ вечера рано ; но долго не могла заснуть. Нѣтъ ничего тяжелѣ безсонницы : мысли перелешали съ предмеша на предмешъ ; я спаралась не думать и не могла ; меня обдавало жаромъ. Наконецъ , я забылась ; однако , слышала какъ про-

было полночь. Въ эшу минушу, не ошкрывая глазъ, вижу, и какъ-шо спранно, что у моей кровати споишь шарикъ, кошораго я будшо гдѣ-шо видала, весь въ бѣломъ, и съ бѣлой длинной бородою. При всемъ эшомъ я не чувспвовала ни малѣйшаго спраха; и даже, когда онъ сказаъ, наложивъ на меня обѣ руки: *догъ моя! готовься, ты должна умереть въ Августѣ мѣсяцѣ!* я была шакже спокойна, какъ и шеперь. Пошомъ онъ изчезъ, и я заснула. — Чшо вы на эшо скажете?

— „Младая кровь играешъ! — шушя ошвѣчалъ Докшоръ. У васъ былъ небольшой жаръ: вопъ и все шушь. Впрочемъ, не думайше, Графиня, — продолжалъ онъ, — чшобы вы однѣ видали шакіе сны. Когда я еще учился въ Университешѣ, мнѣ привидѣлся сонъ гораздо спрашнѣе

вашего. Надо вамъ сказать, что моя студенческая комната раздѣлялась надвое перегородкой, за кою спояла кровать. Изголовье, по шѣсношѣ, приходилось у самага входа въ спальню. Однажды ночью, посреди глубокаго сна, чувствую я: что-то жесткое и холодное лежишь у меня на лбу. Я хотѣлъ вскочить, но не могъ шевельнуться ни однимъ членомъ. Наконецъ, дѣлаю усиліе, ощупываю голову: на ней лежала высунувшись изъ-за перегородки, широкая, кожная рука съ шестью пальцами (какъ анастомикъ, я имѣлъ духъ пересчитывать ихъ), съ длинными острыми когтями, покрывая сверху щешиной. Въ тоже время, за перегородкой, слышался глухой голосъ: *ровно черезъ девять лтъ горе, горе, горе!* — Эти слова сказаны были прощяжно, съ раз-

спановкой, и каждое изъ нихъ, какъ молотомъ, ударяло мнѣ въ сердце. Рука исчезла. Я приподнялъ голову, вспалъ съ кровати и вздулъ огонь: ни въ спальнѣ, ни за перегородкой никого не было. Дверь въ общій корридоръ зашворялась изнутри, окно также. Войши ко мнѣ не было физической возможности. Быль-ли то сонъ, или видѣніе на яву, предоспаваю разгадашь вамъ, Графиня (*). “

— Не сбылось ли предсказаніе?

— „Вошь уже двенадцатый годъ, какъ я пракшикую.“

— Но на десятомъ не было ли съ вами какого несчастія?

— „Ни малѣйшаго; напрошивъ, никогда я не имѣлъ сполько больныхъ: эшо былъ годъ холеры.“

(*) Видѣніе Доктора, какъ и все прочее не выдуманно.

— Стало предсказаніе сбылось; и вы своимъ разсказомъ только подтвердили мои опасенія.

— „Съ вами шрудно спорить, Графиня. Вы, какъ хорошій полководецъ, обращаете оружіе прошивника на него же самага. Но я не признаю себя побѣжденнымъ, и берусь однимъ порошкомъ прогнашь зловѣщаго спарика и уничижишь его предсказаніе.“

На бѣду Доктора, порошокъ его не подѣйствовалъ, и Графиня, въ слѣдующую ночь, увидѣла того же бѣловласаго спарика и услышала опъ него тѣ же слова. На прешью ночь опяшь то-же. —

Между тѣмъ лихорадка ея прошла: она была совершенно здорова; каждую почпу получала письма опъ своего мужа, казалась веселою, смѣялась надъ своимъ видѣніемъ; но на дѣль, пророческій

сонъ не выходилъ изъ ея памяти, и она объ одномъ думала: „ахъ! еслибы поскорѣй прошелъ Августъ мѣсяць!“

Наступилъ и Августъ. Погода стояла прелестная. Графиня продолжала жить на дачѣ, гуляла съ утра до вечера, и вполне наслаждалась сельскою жизнью. — Ничто не напоминало ей о спрашномъ предсказаніи старца.

Однажды вечеромъ сидишь она на ~~балконѣ~~ своего загороднаго дома и любуешься богатымъ ландшафтомъ, который расплался передъ нею. Москва исчезала понемногу въ тѣняхъ ночи, и только иждѣ верхи ея храмовъ золопились послѣдними умиравшими лучами. Все утихло окрестъ. Вдругъ загудѣлъ одинокій колоколъ на великанѣ Кремлевскомъ; за нимъ раздался другой, попомъ прешій;

и звуки, расширяясь, какъ круги на водѣ ошъ брошеннаго камня, неслись ошъ Кремля къ окружности, перелетали съ одной колокольни на другую, и наконецъ обхвапили весь горизонтъ своимъ невидимымъ, къ небесамъ воздымающимся шапромъ. Древняя споллица понула въ пучинѣ звуковъ, торжественно несстройныхъ, полныхъ шревоги и умиленія, окрыляющихъ душу самаго равнодушнаго слушателя, когда благовѣспъ заешаетъ его вдали ошъ города, одинокаго, свободаго ошъ суешъ жишейскихъ. — Тогда эшошъ хаосъ поновъ, смягченный опдалениемъ, превращается для него въ небесный гимнъ, гдѣ каждый звукъ дрожишъ восшоргомъ, вселяешъ шрепешъ въ его сердце и пробуждаешъ въ немъ какую-шо неизъяснимую жажду покаянія и моли-

пвы. — Москву не даромъ называющъ святымъ градомъ : она одна обладаетъ споль необъяннымъ органомъ , и едва ли не въ ней одной можно посшигнушь все таинственное величїе благовѣша.

Въ пошъ вечеръ Москва служила всенощную. Никогда благовѣшъ не производилъ на душу Графини такоао глубокаго дѣйствїя. По естественному сближенїю мыслей , она , при первомъ ударѣ колокола , вспоминала о пророчествѣ и о словѣ сшарца : покайся. Успенскїй постъ еще не кончился , и она рѣшилась посвятить послѣднїе дни его на очищенїе души ошъ грѣховъ. — Въ самый день Успенїя , возвращаясь ошъ обѣдни и чувствуюя усшалость , Графиня легла ошдохнушь. Съ этой минушы она не всшавала. На

слѣдующую ночь спарець снова посѣшилъ ее. „Дочь моя,“ сказала онъ, „шы шеперь гошова, часъ швой насталь.“

На другой день Графиня сдѣлала завѣщаніе и написала прогашельное письмо къ мужу. До эшой минушы, она скрывала ошъ него видѣніе, спрашась ужасной мысли о разлукѣ съ милымъ супругомъ. Но шеперь она начала учисься великой наукѣ смерти и спаралась понемногу разрывашь всѣ связи съ жизнию. — Тяжко, однако, было ей послѣднее прощаніе съ молодымъ прекраснымъ другомъ: ея любящая душа напрасно боролась съ мыслию умереть въ далеку ошъ него, предашь послѣдній вздохъ, не сказавъ ему ошраднаго *прости*, закрышь навѣки глаза, не взглянувъ въ послѣдній разъ на избранника своего сердца. —

Родственники Графини, пропивъ ея воли, призвали къ ней Докшора. Взглянувъ на нее, онъ покачалъ головою, и объявилъ что у Графини маразмъ. —

Дѣйствительно, истощившись строгимъ постомъ, она впала въ крайнюю слабость, потеряла аппетита и погрузилась почти въ непрерывное забытье. Съ каждымъ днемъ она спановилась слабѣй и слабѣй, и получила совершенное отвращеніе ошъ пищи. — Всѣ пособія медицины, всѣ средства Докшоровъ были истощены: ничто не возвращало ей силъ; она догорала, какъ свѣчка. Сквозь сонъ произносила она едва вняпные слова: имя любимаго друга чаще слешало съ умирающихъ успъ ея. — Такъ прошла послѣдняя половина Августа мѣсяца. Вопъ насшалъ и послѣдній

день. Графиня почувствовала нѣкоторое облегченіе, какъ то обыкновенно бываетъ передъ кончиною. Она могла говорить, и цѣлый день 31 го Августа провела съ духовникомъ своимъ въ назидательной бесѣдѣ. Къ вечеру прискакалъ Графъ, вызванный прощальнымъ письмомъ жены своей. Но она снова впала въ забытье, и едва узнала своего мужа. — Въ исходѣ двѣнадцатаго, послѣ окончательнаго и рѣшительнаго консиліума, на коемъ врачи единогласно объявили, что больной не проживетъ и часу, Графъ вошелъ въ ея комнату, и рыдая приблизился къ ея кровати. — Она открыла глаза. — „Другъ! сказала она, — это ты? просни . . . теперь умираю спокойно.“

Графъ съ воплемъ бросился на колѣна передъ умирающей. Самъ

Докторъ прослезился. Нѣсколько времени прошло въ мучительномъ ожиданіи. Вдругъ голова больной тихо опустилась на подушку: наспала грозная минута небытія или жизни. Било полночь. . . . —

1-го Сентября солнце взошло во всемъ своемъ блескѣ, небо было безоблачно: осень праздновала лучшій день свой. Докторъ, ѣздившій на нѣсколько часовъ въ городъ, возвращался поутру на дачу Графини — не съ шѣмъ, чтобы подать ей бесполезную помощь, но чтобы облегчить своимъ учаспіемъ горесть несчастнаго супруга. Подъѣзжая къ дому, онъ увидѣлъ, что окна спальни были открыты, и люди суешились по двору: онъ вздрогнулъ, ибо опгадывалъ причину такой перемѣны. И вопъ — блѣдный, встревоженный, вбѣгаетъ онъ въ спальню, и находить Графиню:

на сполѣ? . . . нѣшь, за спомомъ: она сидѣла подлѣ своего мужа, и глядѣла очень умильно по на него, по на споявшій передъ нею завшракъ.

Пріѣздъ Графа произвелъ переломъ въ ея болѣзни, и *вѣщій сонъ* не сбился.

Н. Мельеуновъ.

РОМАНСЪ.

Разыграйся надо мной,
 Въперь сѣверный родной!
 Мушной вьюгой и мяпелью
 Заспилай небесный сводъ;
 Хладомъ скуй попоки водъ,
 И знакомою свирѣлью
 Опдавайся надо мной,
 Въперь сѣверный родной!

Въперь сѣверный родной,
 Услужи душѣ больной!
 Видишь — въ небѣ, по лазури,
 Звѣзды золопомъ горятъ,
 Очи слабыя помятъ —
 Мупной мглой, дыханьемъ бури,
 Угаси ихъ предо мной,
 Въперь сѣверный родной!

Въперь сѣверный родной!
 Съ ненависпною весной
 Ненависпныя долины
 Обновящя **оживушь**;
 Горделиво зацвѣпупъ
 Розы, ландыши и крины . . .
 Умерпви ихъ предо мной,
 Въперь сѣверный родной!

А. Шидловскій.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ПЕЧАЛЬ.

(Отрывокъ.)

.....
 ..... Я незнаю, что именно значилъ на бѣломъ свѣшѣ Андрей Алексѣевичъ Скарѳвъ; знаю только, что когда купецъ, мѣщанинъ, или графъ или князь имѣли до него дѣло, то онъ слылъ у нихъ подъ прозваніемъ *секретарь*, — шемное выраженіе, упошребляемое безъ разбору, но ошмѣченное печашью какого-то общаго мнѣнія и означающее чело-вѣка, посвященнаго въ... шайнспва законовъ. Однако же Андрей Алексѣевичъ не пошпигъ ни разу настоящаго смысла ни въ одномъ законѣ, хошя умѣлъ извлекашъ изъ каждаго всѣ другіе смыслы; не зналъ правописанія, сочи-

нялъ дѣловыя бумаги шакимъ образомъ, что онѣ для всѣхъ, кромѣ приказнаго брашспва, были по же, что для ученыхъ надпись на колоколѣ въ Савинскомъ монастырѣ; наконецъ имѣлъ чѣшкую руку, и про него говаривали: славно пишешъ, знаешъ свое дѣло! Всѣ, съспующіе на безчисленность законовъ, (хотя иному все равно, много ихъ или мало, пошому что нѣтъ такой просвѣщенной спороны, гдѣ можно ~~читать ихъ~~ не учась), всѣ обращались съ важными птяжбами къ Андрею Алексѣевичу, неограниченно довѣряя его миспическимъ свѣдѣніямъ. Ему было лѣтъ сорокъ пять; по лицу добрякъ; по рѣчамъ — сердце на ладонѣ, и на судѣ строгой нравшвенности нельзя бы оставишь его въ подозрѣніи, если бѣ онѣ не опличался особенною выразишельностью поклона.

Онъ кланялся низко; но когда наклонялась спина, то его шея выгибалась, какъ у гуся, кошорый вытягиваетъ ее, чшобъ ущипнуть, — и сѣрые глаза выглядывали умильно изъ подлбья. — Вопшь все, чшо я могу сказашь прошивъ него. Впрочемъ онъ благоговѣлъ искренно передъ спаршими; и такъ какъ въ 1805 году ни чье чесполубіе не было еще ограничено чиномъ Титулярнаго Совѣтника, то онъ, полный надеждъ, любилъ пересчитываешь умспвенно безконечныя ступени возвышенія и опдавалъ должную справедливостъ Надворному Совѣтнику передъ Коллежскимъ Ассессоромъ. Словомъ, онъ такъ богобоязливо уважалъ чины, чшо даже задумываясь подъ-часъ о суешѣ мірской, о бренности вещей, предспавлялъ себѣ спрашный судъ въ порядкѣ указной шабели о рангахъ. — Чипашель

поймешь, что съ эшими свойствами и занятіями соединивъ ремесло розповщика, можно нажишь большое состояніе.— Эшо ушро, къ описанію кошораго я приступаю, было ушромъ скорби въ домъ Андрея Алексѣевича. Первенець его вшораго брака, шестилѣтній ребѣнокъ, лежалъ на сполѣ. Его молодая, бѣлая, румяная жена, съ шомными, заплаканными глазами, сидѣла на диванѣ пригорюнившись; а онъ самъ, опирая ~~свои~~ ~~Остивдскимъ~~ плашкомъ, поглядывалъ уныло по на розовый гробъ, по въ окно. Передъ нимъ споялъ незначущій шарикъ, примѣчательный только по необыкновенной полщинѣ и по насилію, съ кошорымъ онъ коверкалъ свое круглое, рыхлое лице, чтообъ наспроишь его подъ ладь къ хозяевамъ дома.

— Какъ вельбудъ въ иглиныя уши, не внидешъ богашый въ цар-

ство небесное, — сказалъ. Андрей Алексѣвичъ, продолжая начашой съ шарикомъ разговоръ.

„Въ иномъ разѹ и деньги пустое дѣло“ — отвѣчалъ шарикъ, упирая на лбу пошъ.

— И черезъ золопо слезы люща! — добавиль огорченный опецъ.

Крашкое молчаніе последовало за поучительными изрѣченіями, и пошомъ разговоръ возобновился.

— А какъ ты думаешь, Алексѣй Степановичъ! чшо, давашь ему денегъ - шо?

„Вы эшо дѣло, Андрей Алексѣвичъ, лучше моего знаете. Какъ бы кажешся не дашь, — имѣнье большое!“

— Оно шакъ... да человекъ - шо онъ опасный; съ нимъ и наслѣдства мало будешъ; какъ опецъ поживешъ еще, шакъ шого и гляди, чшо

имѣнъемъ - то квишь! Вѣдь что онъ ухнулъ въ чужихъ краяхъ! Правда, опецъ кой-что заплашилъ, да вошь и здѣсь проявились векселя.

„Помилуйше, Андрей Алексѣвичъ! еще спанешъ его на эши векселя. Сказываюшъ, что женишся и берешъ порядочно. . .“

— Такъ, женишся; пришлось женишся; скоро не у кого будешъ занимать; опецъ-шо на деньги не вошь шебѣ на! Ну да какъ жена-шо увидишь, ~~что са гусь~~ — да какъ попридержишся! Вошь долго ли пробылъ въ Петербургѣ, а я свѣдалъ, опъ его камердинера, что передъ опъѣздомъ сюда промахнулъ пяшьдесять!

Тутъ слышался съ дивана голосъ: „вѣдь ужъ шы всего боишся! нечѣмъ ему будешъ шебѣ заплашишь! . . .“

— Не ваше дѣло, Софья Пешровна; вы эшаго не понимаешъ! — опвѣ-

чалъ спокойно Андрей Алексѣевичъ, обершываясь опяшь къ спарику. — А вѣдь ужъ какъ просишь! мершваго уговоришь. — Тупъ Андрей Алексѣевичъ вздохнулъ. — Человѣкъ прекрасный, предобрый, нечего сказашь! чшо хочешь бери, шолько дай; ни за чшо не сшоишь: закладъ шребувашь не ловко!

„Не ловко—со спрахомъ повшорилъ спарикъ, — баринъ знашный, удивишся, вы его срѣжеше, вы-же шакъ довольны опщомъ!“

— Опъ опца - шо я нажилъ; опщовскія - шо дѣла и шеперь у меня на рукахъ . . . говоряшь бѣдный плохъ спановишся! . . ну, да ужъ и лѣша вѣдь, Андрей Алексѣевичъ! . . .

Они продолжали еще бесѣдовать, какъ вдругъ Андрей Алексѣевичъ, завидѣвъ издали рьяную

чешверку вороныхъ и указывая на нее, закричалъ : графъ , графъ ! —

Весь домъ заходилъ. Софья Петровна опоропѣла и, поправляя черный ворошникъ съ бѣлой нашивкой, красивѣе повѣсила голову. Спарикъ переваливаясь на мѣстѣ заспегивалъ сюршукъ; а Андрей Алексѣевичъ, выбѣгая на встрѣчу пріѣзжему, зацѣпилъ подсвѣшникъ. Щегольская кареша подѣхала къ крыльцу; и графъ проворно выпрыгнулъ изъ нея. —

„Извините, я совсѣмъ не во время, мнѣ право совѣстно. . . .“

— Ничего, ваше сіяшельство, помилуйте . . . Божіе посѣщеніе! . . .

Эти слова раздались изъ другой комнашы, и пошчасъ послѣ вошелъ молодой человекъ; за нимъ оспорожно пересступалъ Андрей Алексѣевичъ, въ кошоромъ при-

мѣшна была борьба сердечнаго сокрушенія и свѣпской угодишельности. Хопя молодой человекъ и Софья Пешровна взглянулись какъ знакомые; но все его прїѣздъ въ эшошъ домъ показался бы для всякаго загадкой. Увидѣвъ его тушь рядомъ со спарикомъ и Андреемъ Алексѣевичемъ, всякій спросилъ бы у себя: зачѣмъ эши люди вмѣспѣ? они не поймушь другъ друга; — что у нихъ общаго? эшо списки съ розныхъ оригиналовъ. Какимъ образомъ судьба схватила ихъ на прошивоположныхъ краяхъ общества и сполкнула подъ одной кровлей? Руки эшаго человека не ошкладывали копѣйки на черный день и дрожь корыспи не пробѣгала по жаднымъ пальцамъ. Презрѣнные труды дневнаго пропитанія, суешливость какъ бы за-

гошовишь подъ спароссть теплый уголь, всѣ эпи отвращишельныя заботы, чшобъ прошашашься на свѣпѣ сышому и одѣшому — не прикоснулись къ любимцу случая и на графское лице не положили просшонароднаго клейма. Это былъ не грубый сынъ сѣвера, нѣпѣ... опѣ него вѣяло благовоннымъ воздухомъ лучшаго неба, душистыми рощами Ишалии, виноградниками Рейна. Легкая, но вѣрная поступь его ~~ногъ~~ ~~показывала~~, чшѣ онѣ привыкли не къ крашеному полу Андрея Алексѣевича, привыкли скользипѣ по лоску паркеша, нѣжипѣ на мягкихъ узорахъ ковра. Осанка графа плѣняла эшой завидной свободой, эшой увѣренностью въ ловкости, въ умѣ, во всѣхъ досшоинспвахъ,—эшой роскошью движеній, копорыя дающся человѣку, если его бабушки

живушь въ палапахъ и ѣздяшь съ двумя лакеями. Синій сюршукъ на графѣ обливаль спройныя округлосши его спана ; русые волосы поэшическими волнами облегалы его голову. Большіе глаза, подернушые шусклою влагой, шомилысь неушопляемой жаждой наслажденій. Нижняя губа полныхъ, розовыхъ, млѣющихъ устъ чущь-чущь оппадала къ подбородку. Графъ былъ смущенъ. Спросивъ съ учасшіемъ у родителей, какъ сдѣлалы они такую чувспвишельную пошерю , онъ нешерпѣливо выслушывалъ длинныя объясненія ошъ какогю чуда дшпя занемогло, и примѣшно обрадовался, когда наконецъ , опшводя къ сторонѣ Андрея Алексѣевича, началъ съ нимъ слѣдующій разгеворъ.

„Ну, что же , мой почтенный Андрей Алексѣевичъ ! что шы мнѣ скажешь ?“

— Ваше сіяшельство ! душою радъ вамъ служишь, — ужь ли вы, башюшка, во мнѣ сомнѣваешесь? .. надобно пообождатьь. . .

„Какъ ждашь! помилуй, мнѣ нужно сего дня, сей часъ, сію минушу; ради Бога выручи, я заплачу. . .“

— Чшо вы эшо, ваше сіяшельство! будшо я васъ не знаю. . . да на шу бѣду я поиспрашился, — чшо было, все роздалъ; еслибъ, ваше сіяшельство, изволили недѣлькой другой попржеде. . . развѣ перехвашишь у кого? да вѣдь вы пребуеше-шо много.

„Сдѣлай милосшь! шы меня зарѣжешь. . . я женюсь. . . деньги необходимы. . .“

— Башюшка по своему разсчитываешъ. . . А чшо, ваше сіяшельство! совсѣмъ уже у васъ слажено?

„Да, почши... (эшо слово какъ будшо нечаянно вырвалось у Графа). Да, совсѣмъ слажено — продолжалъ онъ. Ты найдешь у кого взять; пшвой хлопошы не пропадушъ.“

— Говорящъ невѣспа-шо вашего сѣпшельсшва писаная красавица. . .

„Прелесшъ. . . подумай, мой любезный Андрей Алексѣевичъ! я шебѣ самъ пригожусь. . .“

— И соспоянье-шо вѣдъ значительное, ваше сѣпшельсшво. . .

„Да, соспоянье большое. . . мнѣ не надолго; проценшы какіе хочешъ. . .“

— Дай Богъ вамъ! богашсшво богашсшву не мѣшаешъ, ваше сѣпшельсшво. Я думаю, она въ васъ души не слышишъ. . .

„Да, я нравлюсь ей... съѣзди, Андрей Алексѣевичъ. . .“

— Вѣрно и вы неравнодушны, ваше сіяшельство. . .

„Влюбленъ безъ памяти. . . черезъ мѣсяць, много черезъ два опдамъ непременно. . . возьми моихъ лошадей, съѣзди пожалуста поскорѣе. . .“

— Какъ бы это уладить? . . . правда, есть у меня пріятель, шугъ онъ на деньги. . . ну, да ужь шакъ и бышь, я выпрошу на себя! Въ копоромъ же часу, ваше сіяшельство, прикажете мнѣ къ вамъ явиться?..

„Нѣтъ, я себя подожду здѣсь. . . вошь моя карета. . . поскорѣе, Андрей Алексѣвичъ. . .“

— Да вы соскучишесь, ваше сіяшельство. . .

„Ничего, ничего. . .“

Наконецъ Андрей Алексѣвичъ, пронушый краснорѣчіемъ графа, а можешъ бышь изъ уваженія къ его

невѣстѣ , отправился , шепнувъ на
ухо Софьѣ Пепровнѣ , чшобъ она
заняла госпя. —

Когда онъ ворошился съ день-
гами , шо въ этой комнапѣ не на-
шелъ никого , а опворивъ дверь въ
другую, вскрикнулъ на порогѣ . . . .

. . . . .

. . . л. . .

Къ N. N. N.

Какъ минушная роса
Улешипъ пвоя краса ;
Какъ на ясныхъ небесахъ
Гаснепъ радуга въ лучахъ
Такъ попухнепъ жаръ ланипный :
Красота души одна
Постоянна и прочна
Какъ средь волнь упёсь гранипный.

— ep —

МУЖИКЪ И СМЕРТЬ

(Русская побасёнка.)

Очи наши лмы
 Руки наши граблн ,
 Очи завидущи
 Руки загребущи.

Русскій стихъ:
Плачь Адамія.

Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса его обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень ! сказалъ мужикъ. „Да , похоже на шо!“ — проговорила кочка. Мужикъ смопришъ : кочка подымаешся, росшешъ, дымишя — и спала изъ нея смершь. Съ испугу онъ замахнулся на нее косою. „Поспой ! говоришъ смершь, — я шебѣ пригожусь ; я шебя сдѣлаю лѣкаремъ ;

полько, смошри, берись лѣчишь шѣхъ, у кого буду спояшь въ ногахъ, спанешь вылѣчиваешь непременно; если жь увидишь меня въ головахъ у кого, опказывайся!“ — Сказавъ эшо, смершь пропала; а мужикъ по-дивился и порадовался такому чуду.

Вошь, кончивъ лѣшнія работы, онъ пришелъ въ Москву и принялся лѣчишь. За кого возьмешся, какъ рукой снимешъ болѣзнь, — что ваши нѣмецкіе докшора! И вошелъ онъ въ великую славу; опбою нѣшъ ему опъ больныхъ; скоро онъ такъ разбогашѣлъ, что купилъ себѣ ужъ и каменный домъ. — Одинъ разъ зовушь его къ богатому купцу. Приходишь онъ; видишь, что смершь въ головахъ, и не берешся лѣчишь. „Сдѣлай милосшь полѣчи! что хочешъ возьми, полько возьми на свои руки.“ — Право не могу! — „Вошь шебѣ сей часъ пяшсошь руб-

лей; а выльчишь, дадимъ пяшь тысячь, — волъ и вексель!“ — Пяшь тысячь деньги! думаешь мужикъ: дай попышаюсь! и согласился; даль своего снадобья, и ушелъ до-завшра. Только больной принялъ лѣкарство, какъ шумъ же и духъ вонъ. — На другой день приходитъ мужикъ къ купцу лѣчишь; только ужь его самага шамъ попользовали, да такъ ловко, чшо къ вечеру онъ слегъ въ постелю. Оглянешся онъ, — а смершь у него въ головахъ. — Плохо дѣло! думаешь мужикъ... какъ бышь! и говоришь своимъ: неловко чшо-то лежашь мнѣ; положише-ка меня къ изголовью ногами! — Переложили его. Глядишь онъ — смершь все въ головахъ. — Все неловко... говоришь онъ: придвиньше-ка площадѣ кровашь къ спѣнѣ, да положише меня поперѣгъ! — Повернули его

и шакъ. Глядишь — а смерть все въ головахъ , и шепчешь ему на - ухо : — „полно , брашь ! не опвершишься. Прямой мужикъ , что и передъ смертью хипришь вздумаль ; живъ было правдой , по бы еще пожилъ.“ —

Черезъ день послѣ похоронъ купца, и мужика снесли на кладбище.

СТРАДАЛЕЦЪ.

Не спрашивай , зачѣмъ унылая
 Въ очахъ его душа видна ?
 Чужда спрадальцу радость милая ,
 Ему сродна печаль одна.
 Душъ его спрана приюпная
 Не здѣсь , но въ шайныхъ небесахъ !
 Порой улыбка ли минупная
 Блеснеть на гореспныхъ успахъ ;
 Надежда-ль вкрадепся въ грудь шомную :
 То — надъ могилою цвѣпокъ ;
 То — по кладбищу въ полночь шѣмную
 Бродящій робко огонѣкъ.

НА МОГИЛѢ ЭМИЛИИ.

Привѣтъ могилѣ одинокой !
 Печальный мохъ ее покрылъ ,
 Съ шѣхъ поръ, какъ смерти сонъ глубокой
 Опъ насъ ея жилищу скрылъ.

Оконченъ рано подвигъ трудной ;
 Загадка жизни рѣшена !
 Любовь почила безпробудно
 И радость плѣнью предана.

Какіе тайные законы
 Тебя бѣ въ сей жизни ни бели ;
 Но участь горькую Миньоны
 Ты испышала на земли.

Ты съ горемъ свыклась въ колыбели ,
 Тебя не видѣлъ опчій кровъ ,
 Звѣздой падучей пролетѣли
 И жизньъ , и младостьъ , и любовь

Но надъ печальною могилою
 Не смолкнуль голосъ клеветы ;
 Она перзаепъ призракъ милый
 И жжепъ надгробные цвѣпы. . .

Пусть люди ждупъ судьбы со спрахомъ ! ,
 И чѣмъ бы ни былъ сынъ земной —
 Повсюдной жизнью или прахомъ :
 Благословеніе съ побой !

Но если упро воскресенья
 Придепъ на свѣпльыхъ облакахъ ;
 Возспанъ съ лучемъ преображенья
 Въ пвоихъ лазоревыхъ очахъ.

Лепи , лепи въ края опчизны ,
 Оковы плѣна разорви !
 Будь съ нимъ одна въ единой жизни ,
 Въ единой зиждущей любви.

Н. С.

ЛЕДЯНАЯ СТАТУА. ¹

Лѣшній дворець, лѣшній садъ — сколько цвѣшущихъ воспоминаній увивающся около эшихъ двухъ именъ! Тамъ, говорише вы, въ маленькихъ покояхъ Пепръ I созидаль дѣла великія, коихъ послѣдшвія осѣняшъ и нашихъ попомковъ. Тамъ, подъ шѣнью деревъ, имъ самимъ насажденныхъ, любилъ Государь, послѣ заповѣданныхъ прудовыхъ дней, шѣшишся, какъ добрый, проспой семьянинъ. Кому шакже неизвѣсно, что эшопъ садъ бываль сборнымъ мѣспомъ всего Пешербурга, когда Царь, опъ избышка удовольшвія, спѣшилъ сообщшшъ своимъ любезнымъ под-

---

(1) Ошрывокъ изъ новаго историческаго романа: *Ледной Домъ* Часть I, гл. II.

даннымъ и дѣшамъ вѣспъ объ успѣхѣ важнаго подвига, совершеннаго имъ для блага Россіи? Радость передавалась безусловно; всѣ состоянія въ ней равно участвовали. Ужь и наши прадѣды не любили ломаться на зовъ Надежды - Государя и угощенія машушки - Царицы и Великихъ Княженъ. Хмѣльные опъ вина, медовъ и шоржесшва, они не чинилися, шѣмъ болѣе, что, по простому обычаю старины, и самъ Державный бывалъ иногда на весельѣ. Всѣ говорили вслухъ о томъ, что было у нихъ на душѣ, потому что въ душѣ ничего не шайлось прошивъ хозяина. Аллеи кипѣли и шумѣли; на скамьяхъ обнимались; въ грошѣ, убранномъ надиво заморскими раковинами, слышались поцѣлуи; водомешы плескали, и самыя мраморныя спашуи, между дербѣгающими группами, казалось

двигались. На Царицыномъ лугу народъ роился ; шамъ деревянный левъ , обремененный сѣдоками, безпрестанно нырять въ толпѣ и высоко возносился на воздухъ; покорные подъ всадниками лошади и сани съ обнимающимися парами кружились такъ , что глазамъ зришелей было больно. Тупъ же любопытныхъ допускали смолрѣшь въ звѣринць двухъ живыхъ львовъ и слона. Только шемная ночь прогоняла пирующихъ. Когдажъ Государь , распрощавшись съ госпиями своими, уходиль въ двух-эпажный домикъ , охраняемый любовью народной, онъ могъ слышашъ, какъ провожали его вивашы иноспранцевъ и благословенія Рускихъ.

И вдругъ исчезаетъ на - время очарованіе сихъ воспоминаній. Порогъ сего храма пересшупаетъ Биронъ , посшавивъ у входа его сѣ-

киру. Въ жилище Державнаго и вмѣстѣ Великаго свящешенно водворяешся онъ, не прикрывъ доблестями душевными рода своего, не скрасивъ славными подвигами своего властолюбія. Наружнымъ величіемъ спарается онъ замѣнить истинное: къ маленькому дому сдѣланы огромныя приспройки; блестящій дворъ и гвардія Герцога Курляндскаго наполняютъ его. Видны вездѣ власпъ, великолѣпіе, фортуна; вездѣ выпягиваешся временщикъ; но гдѣ сила народной любви? гдѣ человекъ народной, вѣковой? Домъ перемѣнилъ хозяина, и все въ немъ и вокругъ его измѣнилось: бывало походилъ онъ на кордегардію, и его все-таки величали дворцемъ; Биронъ силился сдѣлать его дворцемъ, и онъ смолрипъ кордегардіей. Ужась царствуетъ вокругъ сего жилища; садъ и въ

будни и въ праздники молчаливъ ; не нужно ошгоняшь ошъ него палкою, — и безъ нея его убѣгаюшъ, какъ лабиринша, куда поавшись, попадешься къ Миношавру на съѣденіе ; кому нужно идти мимо жилища Бирона , пошъ его дальними дорогами обходишъ.

Зимой — именно въ шо время , въ которе происходишъ начало дѣйствія нашего романа — зимой, говорю я, садъ съ окованными водами, съ голыми деревьями, эпикетно напудренными морозомъ, съ пустыми дорожками, по коимъ жалобно гуляешъ вѣшеръ, съ основами спашуй , беспорядочно окинушыхъ шогами, какъ саванами, еще живѣе предспавляешъ ужасъ, царствующій около его владѣльца.

Благодареніе Богу , нечисшый духъ выкурень изъ сего жилища съ шого времени, какъ посѣшилъ его добрый геній дщери Пешровой; оча-

рованіе воспоминаній снова окру-
жаешь маленькій домикъ въ лѣп-
немъ саду.

Но обратимся къ зимѣ 1739
года.

Мы не взойдемъ шеперь въ
жилище Бирона, а перенесемся че-
резъ Фоншанку въ манежъ его. Онъ
расположенъ на берегу въ длинной
мазанкѣ съ нѣсколькими восьми-
угольными окнами но сѣбнамъ и
двумя огромными, изъ песпрыхъ
изразцовъ, печами на концахъ. Под-
лѣ одной печи сдѣлано возвышеніе
въ видѣ амфишеатра съ узорочными
перильцами и балдахиномъ изъ мали-
новаго сукна съ золошою бахрамой.
Подъ балдахиномъ спояшь кресла съ
высокою спинкою, обипыя малино-
вымъ бархашомъ. У ручекъ выпя-
гивающся два пажика въ высокихъ
напудренныхъ парикахъ, съ румя-
ными щечками, какъ два розана,

уцѣлѣвшіе подѣ хлопками снѣга , въ блестящихъ французскихъ кафшанахъ , коихъ полы достають почши до земли , въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ огромными пражками. По временамъ кладуть они на перила свои дѣлскія головы въ спариковской прическѣ , какъ бы высмашривая кого - то. Вошь все , что замѣчашельно въ манежѣ. За нимъ , черезъ обширный дворъ , шянушся каменные великолѣбныя конюшни , въ кошорыхъ красавицамъ - лошадямъ , выписаннымъ изъ Даніи , Англіи и Персіи , шепло и привольно. Какъ ихъ холять и нѣжашь ! Люди , ухаживающіе за ними , завидують ихъ жишью - бышью. Опъ конюшенъ идешь каменная ограда до набережной ; за оградю довольно нечиспый дворикъ и посреди его колодезь съ насосомъ , ручкою для качки воды

и жолобомъ, проведеннымъ въ конюшню. Подлѣ самаго колодца дерево почти безъ сучьевъ. На главный дворъ два вѣзда, съ Фонпанки и съ Цевы.

Вообразимъ, что мы пришли къ манежу за полчаса до пажей, и посмопримъ, что дѣлается на заднемъ дворикѣ.

Къ дереву крѣпко привязанъ подѣ мышки мужчина высокій, сушувашый, желполикій, съ опчаяніемъ въ дикихъ взорахъ; на немъ одна рубашка; босыя ноги оцѣплены. Хохоль на бришой головѣ изобличаетъ родъ его. Это Малороссіянинъ, котораго, по прѣбованію Курляндскаго Герцога, увели со двора Волынскаго. Жестокій морозъ въ 20 градусовъ хвашаетъ жгучими когшями все живое; людямъ прудио дышашъ; полетъ пшиць замедляешъ, и са-

мое солнце, какъ раскаленное ядро, съ прудомъ выдирается изъ морозной мглы. Каковожь, въ одеждѣ пропичныхъ спранъ, спояшь въ снѣгу подѣ вліаніемъ такой яшмосферы? Однакожь Малороссіянинъ еще спойшъ — не спонешъ, а полько скрежещеть зубами. Сначала онъ дрожалъ, теперь окаменѣлъ; ноги его горѣли, какъ на раскаленномъ желѣзѣ, теперь онѣмѣли. Прошивъ него храбрился офицеръ средняго росша, пузаспый, съ звѣрскою наружноспью, въ медвѣжьей шубѣ. Эшо Адьюшаншъ Герцога Курляндскаго, Гроснопшъ. По обѣимъ споронамъ Малороссіянина челоуѣка съ чепыре конюховъ.

— Ослушашься Его Свѣшлости! обругашъ его! кричалъ Гроснопшъ ломаннымъ Русскимъ языкомъ, къ помужь осиплымъ голо-

сомъ опъ досады, остря кулаки на свою жертву: Знаешь ли, съ кѣмъ шлягаешься? . . . Мы взчешемъ шебѣ хохоль Курляндскою гребеночкой; мы собьемъ съ тебя панскую спѣсь, поганый Мазепа!

Малороссіянинъ глубоко вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Чшо? морозъ не сказываешся ли ужъ шебѣ? Пойдешь-ли на игрище?

— Не пійду! сказалъ швердо Малороссіянинъ.

— Посмотримъ! Гей ребяша! ушашъ съ водой! закричалъ Адьюшаншъ.

Разомъ накачали конюхи воды въ ушашъ. Лице Малороссіянина исковеркали судорги; пошомъ глаза его налились кровью и впились въ своего мучишеля.

Гросношъ шряхнулъ головой, какъ бы для шого, чшобы изба-

вишься опть неподвижнаго взгляда своего мученика, и даль знакъ двумъ конюхамъ, державшимъ ушапъ, что бы они спали на срубъ колодца.

— Пойдешъ ли? спросилъ онъ опяпъ.

— Не пйду! былъ роковой опвѣпъ.

— Окапи жь его!

И ушапъ воды вылипъ на голову несчастнаго.

Облако пара обхвапило его, но скоро исчезло, подрѣзанное морозомъ. Хохоль его унизался бусами, шемя задымилось; рубашка спала на немъ, какъ бумага картонная.

— Го, го, го! заспоналъ Малороссіянинъ въ эпомъ жесткомъ мѣшкѣ, собравъ послѣднiя свои силы: не пйдужь, хопъ згну . . . скажи своей . . . бѣсовой собацѣ . . . Богъ опплаш . . . брръ . . .

Здѣсь онъ захлебнулся.

— Еще ушапъ и еще! удвоить порцію! заревѣлъ Адьюшаншъ.

Другой ушапъ воды обдалъ мученика съ ногъ до головы. На эшошъ разъ рубашка покрылась чешуей, и струи, превращаясь будто въ бисерное стекло, рассыпались съ прескомъ по снѣгу. Послѣ прешьяго ушапа хохоль повисъ назадъ, какъ ледяная сосулька, черепъ покрылся новымъ блестящимъ черепомъ, глаза слиплись, руки приросли къ шуловищу; вся фигура облачилась въ серебряную маншію съ пышными сборами; мало по малу ноги пусшили ошъ себя ледяные корни по землѣ. Еще жизнь вилась легкимъ паромъ изъ устъ несчастнаго; кое-гдѣ сѣшкою лопалась мразная епанча, особенно тамъ, гдѣ было мѣсто сердца; но вновь ушапъ воды надъ

головою , и Малороссіянинъ спалъ одною неподвижною , мертвою глыбой.

— Государыня будетъ скоро въ манежъ ! закричали на дворъ , вошь и пажы прѣхали.

— Лей, лей проворнѣе ! а по мнѣ и вамъ бѣда ! командоваль испуганный Адыюпаншъ.

Еще два , при ушапа , и нельзя было признашь человека подъ ледяною , безобразною спашуей. Она спала на спражъ колодца. Солнце, выплывъ изъ морозной мглы, вспыхнуло на мигъ, какъ будто негодую на совершенное злодѣяніе , и опять скрылось во мглѣ.

— Государыня ѣдетъ ! закричали опять на дворъ.

Гросношъ возвратился въ манежъ , будто ни въ чемъ не бываль , а исполнили его подвига въ конюшню. —

Государыня любила верховую ѣзду и была въ ней очень искусна. Нынѣшній же разъ, чувствуя себя слабою, сдѣлала шолько два, при вольша, сошла съ лошади, сѣла на кресла подъ балдахиномъ, окруженная своею свитою, и съ высоты любовалась масперскою ѣздою Бирона, спашнаго, довольно красиваго, хошя жестокость его прокрадывалась по временамъ сквозь глаза и вырѣзывалась непріятнымъ сгибомъ на концахъ губъ. Онъ былъ въ свѣшлоголубомъ, бархатномъ кафтанѣ; на лошади подъ нимъ, Изабеллова цвѣша, блисшаль чепракъ, облишый золошомъ и украшенный по мѣстамъ шифромъ Государыни изъ бирюзы; крупныя каменья изъ бирюзы жь вдѣланы были въ уздечку. Герцогъ подъѣхаль наконецъ къ возвышенію, гдѣ находилась Императрица, и скинувъ

передъ ней шляпу, поникнувъ нѣсколько головой, искалъ себѣ во взорахъ Владычицы лесной награды. Государыня вспала съ своего мѣста, подошла къ периламъ, привѣшсшвовала всадника улыбкою, и взоромъ, хошя нѣсколько мушнымъ ошъ болѣзни, ласкала рукою прекрасное живошное, на коемъ сидѣлъ Биронъ и кошорое положило свою голову на перила, какъ бы ожидая и себѣ вниманія Царицы. Разныя нѣжныя имена были даны любимицѣ Бирона, названной имъ бриллианшомъ его конюшни; красавица, казалось ошъ удовольсшвія, била землю ногой; велѣно было принести кусокъ хлѣба, кошорый и схватила она оспорожно изъ нѣжныхъ рукъ. Придворныя дамы любовались эшою сценою; вся душа пажиковъ была въ глазахъ ихъ, сверкающихъ ошъ радости; одна

Маріорица не забошилась о томъ , что дѣлалось около нея , и часто обращалась взорами ко входу въ манежъ.

— Ъдемъ , сказала наконецъ Анна Іоанновна, кивнувъ благосклонно Бирону, и онъ, соскочивъ съ лошади, оставшейся какъ бы вкопанною на своемъ мѣстѣ, свель Государыню съ возвышенія.

У входа въ манежъ пряслись на морозѣ Гросношъ и *нѣшто* , въ розовомъ, апласномъ кафтанѣ, которое можно былобъ изобразить надушымъ шаромъ съ двумя полсшыми подшавками въ видѣ ногъ и съ надшавкою въ видѣ полсшой, лысой головы, объ которую разбилась бы черепаха, упавъ съ высоты. Въ эшой головѣ было пусто; не думаю , чшобы сыскалось сердце и въ шуловищѣ, если бы анапомировали это *нѣшто* ; за то

оно ежедневно начиналось яствами и пишьями, коихъ досшало бы для пяперыхъ ѣдоковъ. Это *нѣшто* было прещошка, вешошка, плевальный ящикъ Бирона. Во всякое время носилось оно, вблизи или вдали, за своимъ владыкою. Лишь только Герцогъ продиралъ глаза, вы могли видѣть сіе огромное *нѣшто* въ приемной залѣ его свѣсплоспи смиренно сидящимъ у дверей прихожей на спулѣ; по временамъ оно вспавало на цыпочки, пробиралось къ двери ближайшей комнашы шакъ пихо, чпо можно бѣ было въ это время услышашъ паденіе булавки на полъ, прикладывало ухо къ замочной щели ближайшей комнашы, и опяшь со страхомъ и препешомъ возвращалось на цыпочкахъ къ своему дежурному спулу. Если Герцогъ кашлялъ, то оно шряслось, какъ осенній листь. Когда-

же на ночь камердинеръ Герцога выносилъ изъ спальни его плащъ; *нѣчто* вспавало съ своего спула, жало руку камердинеру, и оспорожно, неся всю тяжесть своего огромнаго шуловища въ груди своей, чшобы не сдѣлалъ имъ шуму по паркету, выползало, или выкапывалось изъ дому, и нерѣдко еще на улицѣ шосковало ошъ сомнѣнiя, заснула ли его свѣплосшь и не пошребовала бы къ себѣ, чшобы надъ нимъ подшупишь. Вы могли видѣшь *нѣчто* у входовъ Верховнаго Совѣша, Сенаша, дворца и даже Тайной Канцелярiи, когда въ нихъ находилась его свѣплосшь; на всѣхъ церемонiалахъ, ходахъ, пиршесшвахъ и особенно жирныхъ обѣдахъ, гдѣ шолько обрѣшалась его вѣплосшь. Эшошъ кусокъ мяса, на коемъ Творцу угодно было начер-

шапъ человѣческой образъ, эшо существо именовалось Кульковскимъ. Высочайшее его благо, высшая пища его духа, или пара живошного, заключалось въ шомъ , чшобы находись *при* первомъ человекѣ въ Имперіи. Въ царствованіе Екашерины онъ находился *при* Меншиковѣ, въ царшвованіе Пешра II *при* Долгорукомъ , нынѣ же *при* Биронѣ. Такъ переходилъ онъ ошъ одного перваго человека въ государствѣ къ другому, не возбуждая ни въ комъ опасенія на счепъ свой и ненависпи къ себѣ, во всякое время , при всѣхъ перемѣнахъ счасшливый, довольный своею судьбою. Гдѣ былъ временщикъ, шамъ и Кульковскій; привыкли говоришь, чшо гдѣ Кульковскій, шамъ и временщикъ. Сдѣлапья необходимою вещью , хопъ плевальницею эшого , вошъ въ чемъ заключалась цѣль его

помышлений и вѣнецъ его жизни. И онъ достигъ сей цѣли: ошъ привычки видѣшь каждый день поже беспраспное, спокойное, покорное лице, Биронъ скучаль, когда занемогаль Кульковскій. Всякое ушро и вечеръ первый человекъ въ Имперіи привѣщсповаль его улыбною, иногда и гримасой, кошорая всегда принималась за многоцѣнную монешу; а если Герцогъ въ добрый часъ расшучивался, то удоспоиваль выщипать изъ немногихъ волосъ Кульковского два, при сѣдыхъ волоса, кошорыхъ у него еще не было. Знакъ эшой милоспи, не смопря на боль, особенно радовалъ его. Для поощреңіяжъ къ дальнѣйшему ревностному служенію иногда поручали ему, первому, повѣсшишь о наградѣ, или немилоспи, низпосылаемыхъ Герцогомъ. Кромѣ эшого во всю жизнь

его давали ему, еще при Екатерине I, одно важное поручение въ Испанію ; но онъ, исполнивъ его весьма дурно , возвратился опшуда кашоликомъ. И вѣру свою перемѣнилъ онъ опъ желанія угодишь первому человѣку въ Римѣ , то естъ Папѣ, котораго шуфли удоспоился поцѣловашъ за сей подвигъ. О ренегашствѣ его , скрывается имъ въ Петербургѣ , шолько недавно узнала Государыня , и искала случая наказашъ его за сей поступокъ, не какъ члена благоустроеннаго общества , а какъ получеловѣка , какъ шупа. — Надобно однакожь присовокупить, что онъ имѣлъ дошпоинство молчашъ обо всемъ, что дѣлалось въ глазахъ его и о чемъ не-приказано ему было говоришь , хопя-бъ то было о прыщикѣ, сѣвшемъ на носу его свѣшлости. —

Когда Государыня, у входа въ манежъ , замѣшила Кульковскаго , она улыбнулась; Молдаванская княжна, взглянувъ на него, едва не захохотала. Сѣли въ карету. Велѣно ѣхать на набережную Невы. Экипажъ поравнялся съ оградой дворика : шущъ Анна Иоанновна , по какому-то внутреннему побужденію, обернулась направо, и въ глаза ея блеснула подъ лучемъ полуденнаго солнца ледяная сшашуя. Государыня приказала остановить карету и, подозвавъ къ себѣ Герцога, ѣхавшаго за нею въ саняхъ, спросила его , что за ледяная фигура видна на маленькомъ дворѣ.

Кликнули Гросноша.

— Что шакое? угрюмо спросилъ Герцогъ своего Адъюпанша , указывая на дворикъ. Въ эпомъ вопросѣ подразумѣвалось : дуракъ ! что ты сдѣлалъ?

Гросношъ не смущаясь опвѣчалъ: — Конюхи вашей свѣшлости вылили для забавы ледяную шапку.

Опвѣшъ былъ услышанъ Государынею. — Эшотъ случай, сказала она ласково Бирону, даетъ мнѣ мысль поспроить ледяной дворецъ съ разными фигурами.

— Какъ то было при Его Величествѣ, блаженные памяти, — прервалъ Герцогъ.

— Съ бѣльшими шапками, если можно. Да, кшапи, мнѣ хощѣлось проучить Кульковскаго, чшобы онъ впередъ не цѣловалъ у Папы шуплей. Сколько ему лѣшъ?

— Съ прошлаго мѣсяца онъ начинаешъ другой полвѣкъ.

— Мы женимъ его и опправимъ свадьбу въ ледяномъ дворцѣ. Объявите ему также, что я жалую его въ пажи къ моему Двору.

Какъ это лучше устроить , мы поговоримъ въ шеплъ.

Съ симъ послѣднимъ словомъ Императрицы , кареша пронулась, облѣпленная по бокамъ дворець гайдуками , а сзади двумя Турками. Пятидесятилѣтнему Кульковскому вельно явись ко Двору въ должностъ пажа и искашь себѣ невѣссы: надобно было ниши его жизни пройши сквозь ашу иголку , и онъ выслушалъ свой приговоръ съ героическою швердосстью, не смощря на поздравленія насмѣшниковъ пажей, просящихъ его, какъ поварища, не лишишь ихъ своей дружбы.

Скоро манежь и дворъ опустѣли и подъ-вечеръ ледяная спашуя опвезена на Волково поле.

Лажечниковъ.

РУССКІЯ ПѢСНИ. 1

I.

Дай Богъ пому самому паковó ,
 Кпо меня завёзь на чужú споронú !
 Та спорона мнѣ давно не мила !
 Горы крупы́ , берега высокі́ ,
 Тамъ живушь люди насмѣшливые ,
 Мóлоды ребяша догадливые ,
 Видяпть не видяпть, все быль говоряпть! —
 Еспь ли на свѣпть пакой человекъ ,
 Кпобъ распóроль мою бѣлую грудь ,
 Кпобъ посмопръѣль решивóе сердце ?
 — „Начпо поропь швою бѣлую грудь?
 „На чпо смопръѣпть решивóе сердце ?
 „Видна печаль и по яснымъ очамъ !
 „Видна кручина по бѣлóму лицу !“

---

(1) Изъ собранія *народныхъ Русскихъ пѣсенъ*, пригoшoвляемаго къ изданію.

2.

Хорошо помю на свѣпѣ жипь ,
 У кого нѣпу спыда въ глазахъ ,
 Нѣпѣ спыда въ глазахъ , ни совѣспи :
 Нѣпѣ у мѳлодца забопушки ,
 Въ репивѳмѣ сердцѣ зазнобушки !
 Зазнобилъ меня любезный другъ ,
 Зазнобилъ сердце повысушилъ ;
 Безъ краснѳва солнца высушилъ ,
 Безъ морозу сердце ~~вызнобилъ~~ .
 Я сама дружка повысушу !
 Не зельями , не корѣнями ;
 Безъ морозу сердце вызноблю ,
 Безъ краснѳва солнца высушу !
 Схороню шебя мой мѳленькѳй ,
 Въ зеленѳмѣ саду подѣ грушею ;
 Я сама сяду послушаю :
 Не спонепѣ ли мапѣ сырѳ земля ?
 Не вскрываепся ль грѳбовѳ доска ?
 Не вспаѣпѣ ли мой сердечный другъ ? —
 Зароспи моя могилушка
 Ты правушкой , муравушкой !

Не доспанься , мой любезный другъ ,
 Ни дѣвушкамъ , ни молодушкамъ ,
 Ни своей змѣѣ любовницѣ !
 Ты доспанься , мой любезный другъ ,
 Сырой землѣ , гробовой доскѣ !

3.

(Солдатская).

Ужь какъ шли прошли солдапы.
 Они шли прошли слободкой ,
 Во слободкѣ спановились ,
 У вдовушки попросились :
 „Ты вдова , вдова Нашалья !
 „Пуспи вдова ночевапи
 „Ночевапи , поспояпи !
 „Нась немножечко , малѣнько :
 „Полпораспа насъ на коняхъ ,
 „Полпретьяспа пѣшеходовъ.“
 А вдова имъ ошвѣчала ,
 Ночевапъ ихъ не пуцала :
 — У меня дворокъ малѣнекъ ,
 А горенка невеличка ;

У меня дѣшей семейка! —
 Они силой ворвались
 Во горенку вобралися.
 Они съли по порядкамъ :
 Пѣшеходы всѣ по лавкамъ ,
 А конница по скамейкамъ ;
 А большой госпъ впереди сълъ ,
 Впереди сълъ подь окошкомъ.
 А вдова споишь у печки ,
 Поджавъ свои бѣлы ручки ;
 Споишь она , ~~слезно~~ плачешъ.
 А большой госпъ унимаешъ :
 „Не плачь , вдова молодая !
 „Ты давноль , вдова , овдовѣла ?“
 — И я въ горѣ позабыла. —
 „Ужъ и многоль , вдова , дѣшокъ ?“
 — У меня дѣшокъ чепвѣро. —
 „Ужъ и многоль , вдова , хлѣба ?“
 — У меня хлѣба осьмина. —
 „Ужъ и многоль , вдова , денегъ ?“
 — У меня денегъ полпина
 „Подойди , вдова , поближе !
 „Поклонися мнѣ пониже ! —

„Ты скинь , вдова , съ меня киверь !

„Во киверьъ полопенце :

„Не пвово́ ли рукодѣльца ?

„На право́й рукѣ колечко

„Не пвово́ ли обрученья?“ —

А вдова-шо испугалась ,

Во новы́ сѣни бросалась ,

Малыхъ дѣпушекъ будила :

— Вы вспавайте , мои дѣпи !

Вы вспавайте , мои малы !

Не свѣпѣль - шо мѣсяць свѣпипть ,

Не красно́е солнце грѣпть ,

Пришѣль бапюшка родимый ! —

А большой госпъ опвѣчаепть :

„Не буди пы малыхъ дѣпокъ !

„Я пришѣль къ вамъ не надолго :

„На одинь я на денёчикъ !

„Что на ёдный на часочикъ !“

4

Хожу по крупóму берегу́,
 Брошу вѣночикъ на воду:
 Тонепъ-ли, не понепъ-ли вѣнокъ?
 Любишь-ли, не любишь-ли дружёкъ?
 Мой-то вѣночикъ попонуль:
 Знашь меня мѣлый вспомяпуль!
 Знашь-то я мѣлому милá,
 Знашь-то я на свѣпъ дорогá!

5

(Объ осадь Пскова.)

Копиль-то Король, копиль сѣлушку,
 Копиль-то онъ собака двенадцать лѣпъ,
 Накопиль-то онъ сѣлушки смѣпы нѣпъ.
 Много, смѣпы нѣпъ, сорокъ пысячь
 полковъ.

Накоплѣмши онъ силы, на Русь пошѣль;
 Онъ на Русь пошѣль, на при города,
 На при города, на при спольные:
 На первый на гóродъ на Пóлошскій,
 На другой-то на городъ Велики - Луки,

На претій на бапюшку на Опсковъ градъ.
Онъ и Полопскій городъ мимоходомъ

взялъ ,

А Велики Луки онъ насквозь прошёлъ ;

Подходилъ онъ подъ бапюшку подъ

Опсковъ градъ ,

Спановился собака въ зелёныхъ лугахъ ,

Садился онъ собака во зóлопъ спуль ,

Смекаль-по онъ силушку по-при дни ,

По-при дни и по-чепыре :

Много-ли силушки убыло ,

А много ли силушки прибыло ?

Убыло силушки сорокъ роить ,

А прибыло силушки сорокъ полковъ ;

Тупъ же онъ собака возрадуется :

„Охъ вы гой еси мои скорые хожашели ,

„Скорые хожашели и скорые поспѣ-

шашели !

„Мечипесь скоро въ зеленые луга ,

„Въ зеленые луга Государевы !

..... (*)

(*) Здѣсь долженъ бытъ пропускъ.

„Бери своѳо коня Ба́хму́па ,
 „Поѳзжай во ба́пюшку въ Опсковъ градъ:
 „Во городъ въѳзжай не спрашивай ,
 „Ко двору́ подѳзжай не докладывай ,
 „Во палапы восходи не бей челомъ ;
 „Клади ярлыки на дубо́вы спо́лы.“ —
 За сполами сидишь Воевода Царѳвъ
 Карамышевъ Семѳнь Конспанпиновичъ.
 „Охъ шы гой еси Воевода Царѳвъ ,
 „Карамы́шевъ Семѳнь Конспанпиновичъ!
 „Опдай городъ **Волокъ** бѳзь бою (*),
 „Бѳзь бою и бѳзь драки великiя ,
 „Бѳзь шого уголовiя смершнаго ;
 „Я на первомъ часу́ возьму Опсковъ градъ ,
 „На другiемъ часу́ спану чиспиши ,
 „На прѳпьемъ часу́ спану споль спа-
 новишь ,
 „Спану пишь, веселишься, прохлáдишися;

(*) Названiе *Волока* (Ламскаго) вмѳсто Пскова, здѳсь очевидно взято изъ другой пѳсни, вѳроятно похожей на эту содержаниѳмъ и напѳвомъ. Такiя переспановки не рѳдки въ народныхъ пѳсляхъ.

„Князей своихъ Бояръ всѣхъ въ полонѣ
поберу,

„Донскихъ козаковъ всѣхъ подь мечь,
преклоню,

„А тебя Воеводу казнишь буду!“

Возговоришь Воевода Царевъ

Карамышевъ Семёнъ Конспанпиновичъ:

„Блудёнъ сынъ Король съ Королевичемъ!

„Съ Пáномъ Гешмáномъ Хопкёвичемъ

„И съ воинскимъ конёмъ Воронёвичемъ,

„Не опдамъ я тебѣ города безъ-бою,

„Безъ бою и безъ драки великя,

„И безъ того уголовя смершнаго!“

Какъ со вечера солдаты причащались,

Со полуночи ружья чистили,

Ко бѣлой зорѣ, какъ кúры пропѣли,

Не шуча съ шучей соходила,

Не зоря со зорей сомыкалася

Сходилися два войска, два великя,

Благо Царя съ Королевскимъ.

Тупь ѣздишь разѣзжаетъ удалый доб-
рый мо́лодецъ

Еще пошь ли же Воевода Царевъ

Карамышевъ Семёнъ Констаншиновичъ.
 Кому у насъ на бою, брашцы, Божья
 по́мочь ?

Помогъ Богъ Воеводѣ Московскому
 Карамышеву Семёну Констаншиновичу!
 Побилъ силу Королевскую ;
 Всѣхъ лапничковъ, сиповщичковъ,
 Кольчужничковъ, барабанщичковъ ;
 Насилу Король сампрешей убѣжалъ.
 Бѣгучи онъ собака заклинается :
 „Не дай Боже мнѣ во Русіи бывать !
 „Ни дѣпямъ моимъ, и ни внучашамъ !
 „И ни внучашамъ, и ни правнучашамъ!“

Примѣчаніе.

Всѣ обстоятельства здѣсь рассказанныя, имя Хошкевича, дорога Короля и взятіе Полошска и Великихъ Лукъ прежде осады Пскова, — ясно показываютъ, что эта пѣсня не можетъ относиться ни къ какой другой эпохѣ, кромѣ славной осады Пскова, бывшей въ концѣ 1581

года, когда Баторій, подешупивъ ко Пскову со 100-тысячнымъ войскомъ, объявилъ своей Думѣ, что либо умрѣшь, либо возьмѣшь городъ, и проспоаявъ подъ нимъ ось 18 го Августа до 4 го Января, послѣ многихъ упорныхъ присшуповъ, припринуждѣнь былъ нарушить слово и опказаться ось осады (См. *Карамзина И. Г. Р. Т. 9 стр. 325*). — Эша пѣсня записана Г-номъ Языковымъ съ изусшнаго сказанія, въ Симбирской Губерніи, въ г. *Сызрани*. — Когда она сложена? шрудно рѣшить опредѣлишельно; вѣрояшно, однако, что она сложена *вскорь* послѣ происшешвія, въ ней воспѣшаго; когда еще Псковская осада была свѣжа въ народныхъ воспоминаніяхъ. Только живое участие и часное повшореніе могли разспроспранить её шакъ далѣко и запечашлѣшь шакъ надолго въ памяти народа; а шакое участие было бы невозможно, если бъ она не была современна шому поколѣнію, кошорое споило на спѣнахъ Пскова. Современный *намъ* просшонародный языкъ эшой пѣсни и вѣкошорые анахронизмы, въ ней замѣшшые —

этому не противорѣчатъ : кромѣ того , что тогдашній *простонародный* языкъ по всѣмъ вѣроятностямъ почти не разнился отъ шеперешняго ; но даже языкъ , бывший въ употребленіи между высшимъ сословіемъ (какъ особенно видно изъ дипломатическихъ документовъ) , разитель-но близокъ къ *нынешнему простонародному*. — Впрочемъ и то справедливо , что древніи пѣсни , переходя изъ успъ въ успа , не могли не поновляться въ языкѣ , и что многія изъ выраженій , уже перявшихъ въ народѣ свое значеніе , замѣнялись повѣйшими. Это необходимое свойство *изустнаго преданія*. — Такія поновленія всего яснѣе видны при сличеніи многихъ варіантовъ одной и той же пѣсни. Если , на примѣръ , въ спорахъ далѣкихъ отъ столицы , поётся : *щѣчки алы , словно аленькій цвѣтокъ* , — подмосковный пѣвецъ перемѣняетъ : *словно розовый цвѣтокъ* ; вмѣсто слова *Воевода* , онъ поётъ *Генераль* , или *Губернаторъ* ; вмѣсто *Бояре* — *Сенаторы* ; вмѣсто *стрѣ-*

леуцъ или *козакъ*, или всеобщаго эпитета *молодеуцъ*, — поешъ: либо *солдатъ*, либо *сержантъ*, либо *офицеръ*, либо *Маіоръ*, и проч. Иногда даже цѣлыя пѣсни, съ переменною нѣсколькихъ словъ и имянь, примѣняюся къ новѣйшимъ (а часно и *мѣстнымъ*) понятіямъ или происшествіямъ. Такъ на пр. многія пѣсни объ Царѣ Иванѣ Васильевичѣ примѣнены къ Петру I; объ Краснощёковѣ — къ Платову.

Въ этой пѣсни, которая впрочемъ сохранилась довольно чисто и полно, замѣтны также нѣкошорыя нововведенія и мѣстные примѣненія позднѣйшихъ пѣвцовъ; а именно: въ словахъ, *солдатъ*: *Донскіе козаки* и въ имени *Псковскаго Воеводы*. — Слово *солдатъ* вошло во всеобщее употребленіе не прежде царствованія Михаила Ѳеодоровича и даже Алексѣя Михайловича. *Козаками* при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ называлась вообще лёгкая конница, также какъ *Гусарами* тяжёлая; но *Донскіе козаки* не могли участвовать въ защитѣ

Пскова, попому что Донцы еще тогда не бывали подъ Московскими знамѣнами и до самаго завоеванія Сибири считались проспыми разбойниками; а что позднѣйшіе пѣвцы (и особенно въ Воспочныхъ Губерніяхъ) при словѣ *козаки* прибавляли имя *Донскихъ*, которое уже вскорѣ послѣ Псковской осады сдѣлалось пакъ громко, — это не удивительно. — Слово *рота*, встрѣчающееся въ этой пѣсни, могло быть и современно ея сочиненію; попому что въ этомъ ~~мѣстѣ~~ говорится не объ Рускомъ войскѣ, а объ Польскомъ. Не помню, говорится ли объ ротахъ въ Польскомъ войскѣ во время Баторія; но очень вѣроятно, что оно и тогда дѣлилось на роты, попому что чрезъ 25 лѣтъ послѣ Псковской осады (при самозванцахъ) очень часто упоминается о Польскихъ *ротахъ* и *ротмистрахъ*.

Предводителями Псковскаго засаднаго войска были: Князь Иванъ Пепровичъ Шуйскій, Князь Василій Ѳедоровичъ Шуйскій-Скопинъ, Никиша Ивановичъ Очинъ - Пле-

щесевъ, Князь Андрей Хвороспиннпъ, Бахшелровъ и Лобановъ-Росповскій. Насполящее имя Псковскаго Воеводы (Князя Ивана Пепровича Шуйскаго), можешь бышь и уцѣлѣвшее въ другихъ споронахъ Россіи, въ Симбирской Губервіи попому замѣнилось именемъ *Карамышева*, чпо эшо имя въ памошнихъ пѣсняхъ часпо повпоряется и пѣвцы привыкли за словами Воевода *Царевъ* пѣшь *Карамышевъ Семень Константиновичъ*. Эшимъ именемъ во многихъ пѣсняхъ называется шотъ Посоль, кошораго Царь Иванъ Васильевичъ отправия въ Персію, кошорый на дорогѣ былъ убишь Ермакомъ съ шоварицами и кошораго смерть (по свидѣшельспву пѣсенъ) была главной причиною завоеванія Сибири. Въ самомъ ли дѣлѣ шакъ назывался убитый Посоль? эшаго я до сихъ поръ не могъ найдши въ *письменныхъ* извѣспіяхъ.

П. Курьевскій.

М О К О Ш Ъ. ¹

Есть въ свѣтѣ люди, копорые ни сами ни во что не мѣшающся, ни судьба не мѣшается въ ихъ дѣла. Ни добрые, ни злые духи не прогаюшъ ихъ, какъ сущесствъ, ненужныхъ ни раю, ни аду. Эши люди никому не опасны, никого не сердяшъ, никого не веселяшъ, никого не бояшся, ни на кого не жалуяшся; имъ вездѣ хорошо. Есть они, нѣшъ ихъ — все равно. Въ старину шакихъ людей было много; шеперь родъ ихъ переводишся, потому что шеперь: будь умѣнъ, или спупай вонъ. —

---

(1) Опрывокъ изъ новаго Русскаго Романа, соч. А. Ѳ. Вельшмана.

Изъ такихъ-то людей былъ *Мокошъ*, спорожъ завѣшныхъ Княжескихъ луговъ и лѣсничій. Съ молодыхъ лѣтъ жилъ онъ въ хижинѣ близъ *Чортовой усадьбы*, — не забоясь о сосѣдствѣ нечиспой силы. За то весь народъ Кіевскій думалъ, что самъ онъ водится съ нею. Когда, разъ въ годъ, приходилъ *Мокошъ* въ княжескую жипницу, за мукою на хлѣбы, его допрашивали: что дѣешься на *Чортовой усадьбѣ*? — Не вѣдаю, отвѣчалъ онъ. — Что дѣешь нечиспая сила? — Живешь себѣ смирно. —

Болѣе ничего нельзя было опъ него добиться. Про него можно было сказать: *лѣсомъ шелъ, дровъ не видалъ*.

Жилъ *Мокошъ* уединенно съ своимъ задушевымъ псомъ *мурьмъ*. Въспѣ съ нимъ каждый день рано поутру обходилъ онъ луга

и лѣсъ. Опъ нечего - дѣлашь , на лугахъ полоть крапиву , въ лѣсу собираль валежникъ. И должно было опдашь ему справедливосшь , что луга были какъ бархатные , а лѣсъ чистѣхонекъ; только въ одномъ мѣстѣ , на скашѣ холма , во впадинѣ горы , подъ навѣсисшыми липами , съ давняго времени замѣшилъ онъ , что кшо-шо мѣшаешся въ его дѣло , и ~~содержишь~~ ашо мѣсто въ опличномъ порядкѣ и чистотѣ.

Долго подозрѣваль онъ , что кшо нибудь безъ спроса поселился въ эшомъ мѣстѣ; приходиль онъ шайкомъ , но всегда никого не заспаваль ; а на правкѣ ни лиспика завялаго , ни сучечка , — а на деревѣ ни червячка , ни паушинки. — Иногда только казалось ему , что по лугу какъ будшо вихрь ходишь , да подмешаешъ пыль , и полешъ

сухую праву, и обрываетъ завя-
 лые листья. Мокошь увѣрившись,
 что точно никого нѣтъ, забылъ
 свои подозрѣнія; и еслибъ на-
 родъ своими допросами про нечи-
 стую силу, кошорая живетъ на
 холмѣ, не напоминалъ ему объ
 эшомъ, онъ не зналъ бы никог-
 да, что такое и нечислая си-
 ла. — У него все было чисто:
 и луга, и лѣсъ, и источникъ,
 изъ кошораго онъ пилъ воду, и
 мука, изъ кошорой пекъ хлѣбы,
 и мысли его, и руки, и душа —
 и все. — Уединеніе Мокоша нару-
 шалось только нѣсколько разъ въ
 годъ, во время Княжеской охо-
 пы, когда на завѣшномъ лугу вы-
 пускали соколовъ съ челигами на
 ловлю пшиць. —

Однажды Мокошь вспалъ по
 обыкновенію съ солнцемъ, умылся
 ключевою водою, поклонился земно

на восшокъ, съѣлъ кусокъ хлѣба съ молокомъ и опсправился въ обходъ луговъ и лѣса. Кончивъ свое дѣло, онъ пробрался скапомъ Днѣпровскаго берега къ завѣшному холму, сѣлъ во впадинѣ на мягкую мураву, и спалъ глазѣшь на шемный правый берегъ рѣки. Необозримая даль покрыша была густымъ лѣсомъ; индѣ только желшѣли песчаные холмы и ~~курилось~~ далекое селеніе; влѣво на высотѣ распилался Кіевъ-градъ, съ бѣлокаменными палашами, вышками, перемами и бойницами. —

Мокошъ на все смопрѣлъ; но для него все равно было: смопришъ или нѣшъ; не въ первый разъ онъ видѣлъ издали и Кіевъ, и Днѣпръ, и шемный правый берегъ его. — Онъ ни о чемъ не думалъ, не разсуждалъ; и о чемъ бы онъ спалъ думашъ?... Единообразіе жизни ешъ безплод-

ное поле, на кошоромъ не родится мысль.

Прошедшее, настоящее, будущее равны. Равенство есть уничтоженіе силъ, есть неподвижность, покой, шишина, ненарушимый образъ безжизненности, конецъ всего. —

И такъ Мокошь былъ въ эпномъ состояніи, непопяшномъ для міра, исполненнаго жизни, борьбы добра и зла. — Вдругъ слышишь онь плачь младенца; вскакиваешь, идешь на голосъ, приближается ко впадинѣ, осыненной навѣсомъ липъ, и видишь — на одной изъ вѣшвей дерева висишь колыбелка, а въ ней лежишь спеленаное дитя; — колыбелка качается, но дитя, плачешь, шевелишь усшами, просяшь груди; — вдали эхо вопрошишь чью-то колыбельную пѣ-

сню; но подлѣ бѣднаго дитяти нѣшь мамы, нѣшь няни, нѣшь кормилицы.

Жалко спало Мокошу; подходишь онъ ближе . . . вдругъ колыбелька переспала качаться, эхо колыбельной пѣсни ушихло, свивальникъ развершывается, пеленки вскрывающся, — никого не видно, а что-то вынимаешь ребенка; онъ усихъ, онъ лежишь на воздухѣ, во что-то вцѣпился ручѣнками и къ чему-то тянется, что-то рвешь устами, кажешся сосешь, слышно какъ онъ глошаешь. . .

Дивишся Мокошь, — разинулъ ротъ. Невидимыя руки песпують дитя; оно повеселѣло, улыбаешся, бросаетъ на все любопытные взоры; увидѣвъ Мокоша, тянешся къ нему. Мокошь не вышерпѣлъ, приближаешся, просягиваетъ къ ребенку руки, хочешь взять его . . .

а длинная вѣпвь орѣшника хлысть его по рукамъ . . . . .

Чтобъ шѣ обдало пожаромъ ! вскричалъ Мокошъ . . . а ребенокъ хохочешъ и опяшь шянешся къ Мокошу. — Опяшь Мокошъ просягиваешъ руки , а вѣпвь орѣшника опяшь хлысть его по рукамъ , а другая хлопъ его по лицу.

Охъ мнѣ ! вскричалъ Мокошъ ; а ребенокъ смѣется , шянешся къ нему. У Мокоша пошъ градомъ съ лица ; перекрестился , сотворилъ молишву. Чтобъ ты сгинулъ , поганый ! произнесъ онъ , и пошелъ домой , а сонъ шакъ и клонилъ его ; добрель , повалился на лавку , спилъ.

Извиваешся Днѣпръ , шипяшъ его волны. — Давно вышекъ онъ изъ шемныхъ лѣсовъ Смоленскихъ , изъ сосѣдства Двины и Волги , пробился сквозь каменные горы земли *Половецкой* , скашился по десяти

границнымъ спупенямъ и рухнулъ въ море.

Извиваешся Днѣпръ , шипяшь его волны , около береговъ Кіевскихъ. Днѣпровскій Омушь и вѣдьмы, избѣгая свярыхъ мѣспъ , опклоняюшь рѣку опъ священнаго холма , роюшь новое русло.

Извиваешся Днѣпръ, шипяшь его волны ; а солнце играешъ въ немъ, а Кіевскіе злаповерхіе перема опрокинулись въ него и мерцаюшь въ волнахъ. — Просыпаешся Мокошь. Вчерашній день всегда былъ для него сномъ ; но чудный ребенокъ на холмѣ нейдешъ у него изъ головы. Дивенъ сонъ, — думаешъ Мокошь ; и кончивъ свой завшракъ , идешъ въ обходъ луговъ и лѣса , — идешъ опяшь мимо холма, садися опдохнуть, глядь . . . а мальчикъ лѣпъ пяши въ красной сорочкѣ, обшишой

золошою шесьмой, въ сафьянныхъ сапожкахъ шипыхъ узорами и выложенныхъ бисеромъ, бѣгаетъ одинъ одинёхонекъ и ловишь мошылковъ; много ихъ вьешся надъ нимъ; но онъ ловишь изумруднаго, осыпаннаго искрами золошыми, копораго крылья, какъ будто обложены полосами радуги.

Увидѣвъ Мокоша, мальчикъ бѣжишь къ нему навсрѣчу, берешъ его за руку.

„Дѣдушка, а дѣдушка! можно уловишь мошылка?“

— Лови, голубчикъ! — отвѣчаешъ Мокошъ.

„Баушка не велишь; говоришь что эшо красная дѣвушка; говоришь что я сопру съ ея лика румянчикъ.“

— Твоя баушка обмолвилась. А гдѣ швоя баушка?

„Гдѣ баушка? поспой я приведу ее къ тебѣ.

Мальчикъ побѣжалъ подѣ навѣсь липы, въ кустарникъ; ау! баушка! закричалъ онъ; — ау! опозвалось въ лѣсу.

„Чу! сказалъ онъ, — баушка ушла въ лѣсъ, — пойдѣмъ поищемъ ее!“

Онъ взялъ Мокоша за руку и повелъ въ лѣсъ.

„Ау! баушка! — снова закричалъ мальчикъ.

„Ау! повшорилось въ лѣсу.

„Чу! пойдѣмъ, пойдѣмъ, вошь здѣсь она. . . .

„Нѣтъ вошь шамъ она. . . .

Мокошь успалъ, слѣдуя за шоропливымъ мальчикомъ. Ау! опозвалось, по съ одной, по съ другой спороны.

„Ау! — закричалъ малчикъ опяшь.

— Ау! — раздалось позади ихъ. —

„Эхъ! баушка ворошилась домой.“

Пошли назадъ. — Пришли на лужайку подъ липы. —

— Баушки нѣтъ и дома? произнесъ мальчикъ печально.

„Да гдѣ твой домъ? веди домой!“

— Вошь здѣсь, дѣдушка, подъ липкой. —

„Сироша, подумалъ Макошъ. А въ хмару, да въ ливень?“

— Подъ липкой, дѣдушка.

„А въ зиму? да въ мяшелицу?“

— Подъ липкой . . .

„Сироша . . . повспорилъ Мокошъ. У тебя чай рученьки да ноженьки опморожены?“

— Тепло, дѣдушка, подъ липкой; на эту лужайку я не выхожу; какъ пойдешь черная хмара по небу, да нанесешь холоду, я и

сижу дома; боюсь выдши изъ-подъ липки, шакъ и колешъ лицо, шакъ и жжепъ. —

— Откуда шы, голубчикъ, взялъ такую шапочку съ обложкой горносшаевой, словно княжеская, да сорочку шипую золошомъ, да сафьяные сапожки?

„Все мнѣ приноситъ мой дѣдуш-ка; — шы видѣлъ моего дѣдушку?“

— Какого дѣдушку?

„А вошь что говоришь: безъ меня бы ни пѣсень, ни радости лю-дямъ. А видалъ шы какъ пляшущъ, даводящъ хороводы? Вьются, вью-тся, заплетаются, дѣвушки, блѣд-ныя, блѣдныя . . . запоютъ шакъ у-у-у-у; а мнѣ шакъ и холодно какъ отъ бѣлой зимы, что бываетъ за нашей лужайкой. —

— Да каковъ дѣдушка швой собой.

„Каковъ? не шаконъ какъ шы; онъ все изъ подлѣбья смош-

ришь, на людяхъ покойныхъ ѣздишь верхомъ. — Всѣ его боялся, а онъ никого, — только боишься онъ кочета, что залезѣлъ изъ Кіева; а я спросилъ: что ты боишься, дѣдушка? видишь я не боюсь... а дѣдушка сказалъ: гони, гони его покуда не закричалъ; — я и прогналъ! . . . . .

Мокошъ внимашельно слушалъ рассказъ ребѣнка, присѣлъ на лужайку и спалъ полдничашъ, вынулъ изъ кошеля кусокъ жишнаго хлѣба. —

„Что эшо, дѣдушка? вскричалъ мальчикъ, — дай-ка мнѣ?“

Мокошъ опломилъ кусокъ; съ жадностію мальчикъ схватилъ и съѣлъ его.

„Ты голоденъ, голубчикъ! тебѣ поѣсть не дали; вошь тебѣ еще ломошокъ хлѣбца.“

„Хлѣбца? — вскрикнулъ мальчикъ; — баушка не даетъ мнѣ хлѣбца.

— Чѣмъ же ты питаешься, голубчикъ? —

„Баушка меня кормитъ.....

Вихрь свиснулъ между мальчикомъ и Мокошемъ, и унесъ слова мальчика.

„Ась? спросилъ Мокошъ, не слыхавши чѣмъ кормитъ баушка мальчика.

„А поитъ . . . . продолжалъ мальчикъ . . . . вихрь опять свиснулъ надъ ухомъ Мокоша; онъ не слыхалъ чѣмъ поитъ баушка.

„Ась? повпорилъ онъ. —

Да, дѣдушка — продолжалъ мальчикъ, — а мнѣ тошно, тошно, какъ я съѣмъ . . . . опять дунулъ вихрь.

. . . . Все хочешся этого хлѣбца, да водицы испишь . . . . у тебя много хлѣбца?

— Есть мало, отвѣчалъ Мокошъ.

„Пойду я, дѣдушка, къ тебѣ; ты, шакой добрый, ты меня пустишь гулять въ городъ?“

— Пойдемъ . . . пойдемъ, я поведу тебя въ Кіевъ, опѣвчалъ Мокошъ вспавая. —

Мальчикъ хочеть идти — и вдругъ остановился. „А! . . . вошь баушка! . . . Пусти меня, баушка, къ этому дѣдушкѣ . . . пусти! . . .“ Мокошъ смотрѣлъ кругомъ себя и искалъ глазами баушку . . . но никого не было . . . . только вихрь свиснулъ снова между Мокошемъ и мальчикомъ.

Мальчикъ пошелъ подъ липку, сѣлъ и заплакалъ.

Мокошъ хотѣлъ подойти къ нему; въпвь напянулась и хлынула его по лицу.

— Чтобъ тебя нелѣгкая взяла! вскричалъ Мокошъ, за-

крывъ лице руками; — чшобъ ше-
бѣ недѣлгкая взяла! повшорилъ онъ
и пошелъ домой, проклиная не-
чиспую силу.

Окончивъ день по обыкновенію,
Мокошъ легъ спать и проснулся на
другой день съ увѣренносшію, чшо
все вчерашнее было сонъ.

.....

ПЕРВОЕ МАЯ.

(М. П. В.)

Какъ весело всегда встрѣчашь
Весну въ Сокольницкомъ гуляньѣ ;
Какъ сладко воздухомъ дышашь
Гдѣ всей Москвы свободнѣе дыханье!
Но веселѣй глядѣшь , какъ въ васъ
Цвѣшеть души весна живая ,
И въ блескѣ ясныхъ вашихъ глазъ
Такъ ярко *первое* свѣплѣешь *Мая*.

Б Е З У М І Е.

Тамъ , гдѣ съ землею обгорѣлой
 Слился какъ дымъ небесный сводъ ,
 Тамъ въ беззаботности веселой
 Безумье жалкое живѣтъ .
 Подъ раскаленными лучами ,
 Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ ,
 Оно спекляными очами
 Чего-то ищетъ въ облакахъ ;
 То вспрянетъ вдругъ , и чуткимъ ухомъ
 Припавъ къ распреснутой землѣ ,
 Чему-то внемлетъ жаднымъ слухомъ ,
 Съ довольствомъ пайнымъ на челѣ ;
 И мнитъ , что слышитъ струй кипѣнье ,
 Что слышитъ шокъ подземныхъ водъ ,
 И колыбельное ихъ пѣнье ,
 И шумный изъ земли исходъ . . .

Ө. Тютчевъ.

ДЕНЬ АЗІЯТЦА.

Безпечны Азіи сыны ;
 Однообразенъ покъ ихъ жизни ,
 Лѣнливой нѣгой дышуть дни ,
 Какъ знойный климапъ ихъ опчизны.
 Въ прохладномъ сумракѣ садовъ ,
 Упившись запахомъ цвѣповъ ,
 Близъ пихо бьющаго фонпана ,
 Сидить безпечно цѣлый день
 Воспока сынъ празднолюбивой
 И услаждаетъ прихопливо
 Свою задумчивую лѣнь. —

Спустился вечеръ благовоной ;
 Вольнѣе дышетъ грудь земли ,
 Темнѣетъ день надъ степью сонной ,
 Зажглись небесные огни.
 Во мглѣ вечерняго шума ,
 Какъ хоръ поржеспвенный духовъ ,
 Звучитъ незримаго Имана
 Съ высокой башни звонкій зовъ.
 Порою кое-гдѣ селеньемъ

Раздастся пѣсня той спраны ,
 Мѣшаясь съ звучнымъ удареньемъ
 Въ бассейнѣ плещущей волны ;
 И надъ волной , какъ упомлѣнный ,
 Склонился пополь съ береговъ ;
 И словно шопопомъ цвѣшовъ ,
 Наполненъ воздухъ благовонный
 Глухимъ жрчаньемъ мопыльковъ. —

Но—темно въ полѣ ; звѣздъ сіянье
 Надъ нимъ и число и свѣшло ;
 Полночи свѣжее дыханье
 На мѣрь забвенья навело.
 Счастливецъ дремлетъ , упоенный
 Подруги дивною красой ;
 Окреситъ все дышетъ пишиной ;
 Слегка , въ черпогъ уединенный ,
 Въ узоры песпраго окна ,
 Сквозитъ спыдливая луна . . .

Такъ вѣчно-важный , молчаливый
 Свой праздный вѣкъ проводитъ онъ ,
 И сынъ Европы хлопопливый
 Ему и спранень , и смѣшёнъ. —

Но грянешь бранный звукъ трубы —
 И оживаешь градъ Воспока :
 Шумяшъ народныя шолпы ,
 И грозно именемъ Пророка
 Звучашъ и кляшвы , и мольбы .
 Тогда — разпоргнувъ цѣпи нѣги ,
 На-мигъ забывъ прекрасныхъ жёнъ ,
 Мершвящимъ вихремъ мчипся онъ
 Черезъ степи , въ буйныя пабѣги —
 Играешъ огненнымъ конёмъ ,
 Въ деревни вноситъ ~~ис~~пребленье ,
 И часпо въ полѣ роковомъ
 Поешъ красу и наслажденье
 Надъ обезглавленнымъ врагомъ . . . .

Такъ льпешъ жизнь пвоихъ сыновъ ,
 Воспокъ , предѣль воспоминаній !
 По всей землѣ ряды вѣковъ ,
 Съ шолпой племянъ , съ молвой преданій ,
 Спопами птяжкими прошли
 И избраздили грудь земли
 Дыханьемъ буръ , слѣдами браней ;

Но и понынѣ та спрана
 Хранишь завѣшь первоначальный ;
 Повсюду дышетъ старина ,
 Повсюду мѣръ Папріархальный .
 Цѣпь горъ , пустыни , по лугамъ
 Спада, и шабуны степные ,
 И лѣшомъ сѣни кочевья ,
 И звуки пѣсень по горамъ . . . .

Какъ плѣнникъ въ узахъ пробужденный,
 Душа покусеть , рвется въ даль . . . .
 Сперва ей грустно , — сердцу жаль
 Полей Европы просвѣщенной ;
 Но скоро мирной пишиной ,
 Какъ въ зной дыханіемъ зефира ,
 Ты вновь его миришь съ собой ,
 О колыбель народовъ міра !

3.

Арзерумъ , 1829.

МОЕ ПРИБЪЖИЩЕ.

Ты вновь со мной . . . мои печали,
 Моя глубокая тоска
 Съ души воскресшей убъжали,
 Какъ опъ лазури облака!
 Моя любовь, веселье, радость,
 Мое богатство — все моё,
 Ты мнѣ милѣй, чѣмъ жизни младость!
 Когда небесное ~~твоё~~
 Лице, мнѣ ласкою сіяешь —
 Моя душа, какъ мръ полна,
 И нерва каждая играешь
 Во мнѣ, какъ вѣщая спруна!
 Все горькое земной работы,
 Вся грустной жизни сей печаль
 Не существуетъ. Я, какъ спаль
 Съ узоромъ яркой позолоты,
 Вдругъ спановлюсь и швердь и чистъ:
 Пускай на Понть налягутъ бури,
 Въ лѣсахъ раздася вихрь и свисъ,
 Будь небо грустно безъ лазури!

Онъ погружается на дно
 Сынъ водъ , жилецъ пучинъ спокойной ;
 И подъ поверхностью неспройной ,
 Ему убъжище дано !
 Такъ я превогъ не ужасаюсь ,
 Въ тебѣ мой находя покой ;
 Я весь душою обновляюсь ,
 Когда превожимый поской
 Въ пвои объяпія кидаюсь ! . . .

Ө. Глинка.

Б У Р А Н Ъ .

Ни облакана шуманномъ, бѣло-
 вашомъ небѣ ; ни малѣйшаго вѣпра
 на снѣжныхъ равнинахъ. Красное ,
 но неясное солнце сворошило съ не-
 високаго полдня къ недалекому за-
 кашу. Жестокій Крещенскій морозъ
 сковаль природу, сжималь, палиль,
 жегъ все живое. Но человекъ ула-

живаеяся съ яростью стихій: Русскій мужикъ не боится мороза.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней, проселочной, непорной дорожкѣ, или лучше сказашь — слѣду, будто недавно проложенному по необозримымъ снѣжнымъ пущынямъ. Пронзительно, прошивно для непривычнаго уха, скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дубленые полушубки, шулуы и сѣрые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бѣжали мужики за своими возами. Запущенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, едва разъвая ршы, изъ копорыхъ бѣлый дымъ вылеталъ, какъ изъ пушки при выстрѣлѣ, и нескоро расходился, — они шушили, припрыги-

вали, боролись, полкали будто невзначай другъ друга съ узенькой пропинки въ глубокий сугробъ; сполкнушый долго барахшался и не скоро вылѣзалъ изъ мягкаго снѣговаго пуха на швердую дорогу. Тупъ-шо сыпались Русскія оспрошы, по природѣ Рускаго человѣка, всегда одѣшья въ фигуру ироніи. — „Не больно болшай — говориль одинъ другому — языкъ обозжешь : вишь зной какой, шакъ и палишь!“ — „Шуши, шуши, — ошвѣчалъ другой; самага-шо цыганскій попъ прошибаешь!“ — Всѣ хохошали. Такъ грѣюпся на морозѣ духъ и шѣло Рускаго мужичка.

Подвигаясь спорымъ шагомъ, а подѣ изволокъ и рысью, обозъ поднялся на возвышеніе и въѣхалъ въ березовую рощу — единспвенный лѣсокъ на большомъ шепномъ проспраншвѣ. Чудное, печальное

зрѣлище предснавляла бѣдная роца! Какъ будшо ураганъ или громовые удары пѣшились надъ нею долгое время: шакъ все было исковеркано. Молодыя деревья, согнушыя въ разновидныя дуги, увязили гибкія вершины свои въ сугробахъ, и какъ будшо силились вышацишь ихъ. Деревья посшарѣе, пополамъ изломанныя, шорчали высокими пнями; а иныя, ~~разодранныя~~ надвое, лежали, развалясь на обѣ спороны. — „Что за чершовщина! сказалъ молодой мужикъ, — какой лѣшій исковеркаль березникъ?“ — „Не лѣшій, а иней — опшѣчалъ спарикъ. „Глядь-ка сколько его нальнуло къ сучьямъ . . . шяга смершная! Вѣдь подъ инеемъ-шо ледъ, шолщиной въ руку, и все къ одной споронѣ, все къ полуночи. Эшо живешъ послѣ опшпелей, случается не каждый годъ и вѣщуетъ урожай:

„хлѣба будешь въ волю.“ — „Да
 „куда съ нимъ дѣвашься? . . .“
 подхватилъ молодой кресстьянинъ,
 и хотѣлъ продолжашь; но спари-
 кь, съ нѣкотораго времени вни-
 машельно озиравшійся на всѣ спо-
 роны, съ прищуреннымъ глазомъ
 припадавшій къ дорогѣ, сурово
 крикнулъ: „полно калякашь, ре-
 „бятца! До умѣта (*) далеко, ночь
 „близка, дѣло негожо. Бери воз-
 „жи, садись, погоняй лошадей!...“
 Безмолвно повинувались спрогому
 голосу спарика, умудреннаго го-
 дами опышовъ, проницательный
 взоръ кошораго провидѣлъ въ ясно-
 спи — шьму, въ пишинѣ — бурю.
 Всѣ спарусили, хоть ничего спраш-
 наго не видали. Проворно повска-
 кали на воза, крикнули, спронули

(*) Такъ называющься одинъ или два двора,
 поселенныхъ на степной дорогѣ для
 почѣвки или кормежки обозовъ.

возжами мочальныя оброши невзнузданныхъ лошадей — и обозъ , выбравшись изъ рощи на покашую равнину, побѣжалъ шибкою рысью.

Все по прежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце склонялось къ западу и, косвенными лучами скользя по необозримымъ громадамъ снѣговъ, одѣвало ихъ брильяншовой корою ; а изуродованная роща , въ снѣговомъ и ледяномъ своемъ уборѣ , предспавляла издали чудные и разнообразныя обелиски , осыпанные шакже алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно . . . Но спай шешеревовъ вылешали съ шумомъ изъ любимой рощи искашь себѣ ночлега на 'высокихъ и опкрышыхъ мѣспахъ ; но лошади храпѣли , фыркали , ржали и какъ будшо о чемъ-шо перекликались между собою ; но бѣловашее облако , какъ голова огромнаго звѣря ,

выплывало на воспочномъ горизонтѣ неба; но едва замѣшный, хопя и рѣзкій, въперокъ попянуль съ воспока къ западу, — и наклонясь къ землѣ можно было замѣшишь, какъ все необозримое пространство снѣговыхъ полей бѣжало легкими спруйками, шекло, шипѣло, какимъ-шо змѣинымъ шипѣнемъ, шихимъ, но спрашнымъ! Знакомые съ бѣдою обозы знали роковыя примѣшы, шоропились доѣзжашь до деревень или умѣшовъ, сворачивали въ спорону съ прямой дороги, если ночлегъ былъ не далеко, и не рѣшались на новый переѣздъ даже немногихъ верспѣ. Но горе неопышнымъ, запоздавшимъ въ такихъ безлюдныхъ и пустыхъ мѣсшахъ, гдѣ нерѣдко, проѣзжая цѣлые десяпки верспѣ, не встрѣшишь жилья человѣческаго!

Въ шакомъ именно положеніи находился, не задолго передъ симъ,

веселый обозъ, сосшоявшій изъ осьмнадцатьи подводъ и десяперыхъ возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ, гдѣ надѣялись, продавъ свои деревенскіе избышки, хошя недорогой цѣною, вяшь изъ Илецкой Защипы каменной соли, кошорую иногда удаешся сбывашъ весьма выгодно на сосѣднихъ базарахъ, если по распушицѣ мало бываетъ подвозу. Они выѣзжали на большую Оренбургскую дорогу, перебивая поперѣкъ такъ называемый *Общій Сыртъ* — плоское возвышеніе, кошорое шянешся къ *Яику*, нынѣшнему Уральску, и по кошорому лежишь извѣспная Яицкая Козачья дорога. Хошя опышный спарикъ примѣшилъ грозу заблаговременно; но переѣздъ былъ длиненъ, лошади шоци, на кормѣжкѣ обозъ позамѣшкался и — бѣда пришла неминучая . . . .

Быспро поднималось и росло бѣлое облако съ востока ; и когда скрылись за горой послѣдніе, блѣдные лучи закапавшагося солнца — уже огромная снѣговая шуча заволочла бѣольшую половину неба и посыпала изъ себя мѣлкій снѣжный прахъ ; уже закипѣли степи снѣговъ ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышился иногда какъ будто опдаленный плачь младенца , а иногда вой голоднаго волка.

„Поздо, ребята! закричалъ старикъ.
 „Спой! Нѣчего гнать и мучишь понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги , авось Богъ помилуетъ. Пешковичъ! сказалъ онъ, оборотясь къ высокому, плошному мужику, так же немолодому , — поѣзжай сзади : швой Гнѣдко хошь не боекъ , за шо неспомчивъ , не опспанешъ ; да и шы не задремлешъ. Гляди въ

„оба , чшобы кпо не опспалъ , да
 „въ спорону по дровяной или сѣн-
 „ной дорогѣ не опбился; а я поѣду
 „передовымъ!“ Съ большимъ трудомъ
 перешащили спариковъ возъ впередъ;
 а лошадь Петровича , сполкнувъ
 съ дороги въ спорону , объѣха-
 ли; потомъ вышацили ее изъ су-
 гроба, и Петровичъ спалъ заднимъ.
 Сшарикъ снялъ рысій малахай, вы-
 мѣненный у Башкирскаго Кантон-
 наго Сшаршины, на жирную моло-
 дую лошадь, въ осеннюю гололедицу
 переломившую ногу,—помолился Бо-
 гу и сѣвъ на возъ: „ну, Сѣрко! ска-
 залъ, хопя невеселымъ, но швердымъ
 голосомъ: выручалъ шы меня не
 „одинъ разъ , послужи и шеперь ,
 „не сшибись съ дороги“ . . . и
 обозъ поѣхалъ шагомъ.

Снѣговая, бѣлая шуча, огром-
 ная какъ небо , обшянула весь го-
 ризонтъ и послѣдній свѣшъ крас-

ной, погорѣлой вечерней зари, быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь . . . . наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣсперъ на приволи, взрылъ снѣговья сшепи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ. . . . Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой тѣмной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо преврашились въ пучину кипящаго снѣжнаго праха, кошорый слѣпилъ глаза, занималъ дыханье, ревѣлъ, свиспалъ, вылъ, споналъ, билъ, препалъ, вершѣлъ со всѣхъ споронъ, сверху и снизу, обвивался какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось!

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь спынетъ, оспанавливается опъ спраха, а не

ошъ холода , ибо спужа во время бурановъ значительнo уменьшается. Такъ ужасенъ видъ возмущенiя зимней , сѣверной природы ! Человѣкъ шеряетъ память , присушествiе духа , безумѣетъ... и вопъ причина гибели многихъ несчастныхъ жершвъ.

Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцати - пудовыми возами. Дорогу заносило , лошади безпре- шанно оспупались. Люди не большей часпи шли пѣшкомъ , увязая по колѣно въ снѣгу : наконецъ всѣ выбились изъ силъ ; многiя лошади приспали. Спарикъ видѣлъ это , и хопя его Сѣркò , кошорому было всѣхъ пруднѣе , ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ , еще бодро вышаскивалъ ноги , спарикъ оспановилъ обозъ. „Други ! сказалъ онъ , скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ , дѣлашь нѣчего. Надо оспдапья на волю Божью ; надо здѣсь ночевашь. Соспавимъ

„возы и распряженныхъ лошадей вмѣ-
 „спѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и
 „поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ
 „кошмами, сядемъ подъ ними какъ подъ
 „шалашемъ, да и спанемъ дожидашь-
 „ся свѣшу Божьяго и добрыхъ лю-
 „дей. Авось не всѣ замерзнемъ!“

Совѣтъ былъ спраненъ и спра-
 шенъ, но въ немъ заключалось един-
 ственное средство къ спасеню. По
 несчастю въ обозѣ были люди мо-
 лодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ,
 у котораго лошадь менѣе дру-
 гихъ присшала, не захошѣлъ по-
 слушаться спарика. „Полно, дѣ-
 „душка! сказалъ онъ. Сѣрко-шо
 „у тебя спалъ, шакъ и намъ око-
 „лѣвашь съ шобой? Ты ужь пожилъ
 „на бѣломъ свѣшу, шебѣ все рав-
 „но; а намъ еще пожишь хочешся.
 „До умѣта верспѣ семь, больше не
 „будешь. Поѣдемъ, ребяша! пущь
 „дѣдушка оспаешся съ шѣми, у кого

„лошади совсѣмъ спали. Завтра, Богъ
 „дасшь, будемъ живы, ворошимся сюда
 „и ѡпкопаемъ ихъ.“ — Напрасно го-
 вориль шарикъ, напрасно доказы-
 валь, что Сѣрко испомился менѣе
 другихъ; напрасно поддерживаль его
 Пепровичъ и еще двое изъ мужиковъ:
 шестеро остальныхъ, на двенад-
 цаши подводахъ, пустились далѣе.

Буранъ свирѣпѣль часъ ошъ
 часу. Бушеваль всю ночь и весь
 слѣдующій день шакъ, что не было
 никакой вѣзды. Глубокіе овраги дѣ-
 лались высокими буграми. . . Нако-
 нецъ спало понемногу зашихашъ
 волненіе снѣжнаго океана, кошорое
 и шогда продолжается, когда небо
 уже блеспитъ безоблачной сине-
 вою. Прошла еще ночь. Ушихъ
 буйный вѣшеръ, улеглись снѣга.
 Снепи предшавляли видъ бурнаго
 моря, внезапно оледенѣвшаго. Вы-
 кашилось солнце на ясный небо-

склонъ ; заиграли лучи его на волниспыхъ снѣгахъ. Тронулись переживавшіе буранъ обозы и всякіе проѣзжіе.

По самой эпой дорогъ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель , порчащихъ изъ снѣга, около кошорыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на спогъ сѣна или скирдъ хлѣба. Мужики спали разглядывашъ и примѣшили , что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣломъ ; принялись опрывать чѣмъ ни попало, и опрыли сшарика, Пешровича и двоихъ ихъ шоварищей: всѣ они находились въ сонномъ , безмяшномъ сѣсшояніи, подобномъ сѣсшоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обшаялъ и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной шемперашу-

рой. Ихъ выпатили, положили въ сани и воропились въ умѣшъ, который почно былъ недалеко. Свежій морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они спали двигашья, раскрыли глаза, но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія. — Въ умѣшъ, не внося въ шепелую избу, расперли ихъ снѣгомъ, дали выпить вина и попомъ уложили спать на палати. Преснавшись наспоющимъ сномъ, они пришли въ чувство и оспались живы и здоровы.

Шесперо смѣльчаковъ, или лучше сказашъ, глупцевъ, послушавшихся молодого удальца, вѣрояшно, скоро сблизь съ дороги, по обыкновенію принялись ее опыскивать, пробуя ногами, не попадешя ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя спороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною опыскали пѣла несчастныхъ въ разно-

образныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самаго умѣша . . . .

Илецкъ.

СЦЕНА ИЗЪ I го ДѢЙСТВІЯ

П И К К О Л О М И Н И.

(Максъ возвращается съ женою и дочерью Валленштейна, влюбленный въ послѣднюю. Октавіо еще не знаетъ о его чувствѣ; Квестенбергъ посланъ опть Двора Австрійскаго узнать духъ войска и замыслы Валленштейна. Максъ, приверженный къ своему начальнику, предупрежденъ противъ Квестенберга).

ОКТАВІО ПИККОЛОМІНИ. КВЕСТЕНБЕРГЪ. МАКСЪ.

Максъ (входитъ).

Здорово, бапюшка, я васъ искалъ!

(Онъ обнимаетъ отца, но, оборотясь, видитъ Квестенберга и отступаетъ съ холодностію.)

Вы заняты. Я вамъ не помѣшаю.

Октавіо.

Ты не узналъ? Максъ, подойди же къ госпю!
 Въ немъ спараго пріяшеля почпи,
 И преклонись предъ вѣспникомъ Цесар-
 скимъ.

Максъ.

Добро пожаловашь, фонъ Квестенбергъ,
 Коль принесли вы добрыя намъ вѣспи:
Квестенбергъ (поймавши его руку).
 Не опнимайше жъ вашу руку, Графъ!
 Я жму ее не ошь себя, — и эшо
 Не знакъ пуспой, не свѣпская учпивоспъ.

(Взявши руки обоихъ.)

Октавіо, — Максъ Пикколомини!
 Благовѣспительныя имена!
 Пока сіи хранипельныя звѣзды
 Надъ Авспрїей благословенно свѣпяпъ,
 И счаспіе и благо будущъ съ ней.

Максъ.

Вы ролю забываете, Миниспръ!
 Не для похваль вы здѣсь, я эшо знаю:
 Вы присланы для спрогихъ порицаній, —
 И мнѣ обидно ваше предпочпенъе.

Октавіо (Максу).

Онъ опъ Двора, а шамъ не такъ какъ
здѣсь :

Объ Герцогѣ иначе разумѣюшъ.

Максъ.

Какой порокъ еще находяшъ въ немъ?

Чпó онъ одинъ въ самомъ себѣ содер-
жишъ ,

Чпó онъ одинъ умомъ своимъ поспигъ?

Онъ въ эпомъ правъ — и будетъ вѣчно
шакъ.

Неó созданъ онъ изъ ковкаго мешалла

Подъ млашъ чужой онъ рабски не поидешъ,

Не такова его природа — нѣшъ.

Владычный духъ опъ неба онъ пріялъ!

Влашпшелемъ посшавленъ на земль —

И благо намъ! — Избранные лишь могушъ,

Свяшпую влашъ надъ многими держашъ

И даръ ума упошребляшъ разумно !

Блаженъ народъ, въ кошоромъ доблѣй мужъ

Воздвигнешя въ средину миллионовъ ,

Какъ нѣкѣй сполбъ, могучѣй, безопасный

Для каждаго веселая опора !

Таковъ и Валленштейнъ: для Двора
Есть лучшіе, но арміи угоденъ
Лишь онъ одинъ.

Квестенбергъ.

Да, арміи! конечно. .

Макъ.

Оспрадно зрѣшь, какъ все вокругъ него
Мужаешь, бодрствуешь, живошворился!
Какъ всѣ дары, всѣ силы бышя.

Изъ пьмы на свѣтъ выходяшь передъ
нимъ!

У каждаго онъ извлечешъ способность
Природную, великую, — и въ дѣло
Упопробишь, и всѣмъ назначишь мѣсто,
И всякому свою укажешъ цѣль!

Такъ всѣ умы, всѣ силы, всѣ созданья —
Орудія его шворящей воли.

Квестенбергъ.

И спору нѣшь, что знаешь онъ людей
И ими правишь бодро! Но надмѣнный,
Онъ позабылъ въ себѣ слугу Царя,
Какъ будшо самъ родился въ царскомъ
санѣ!

М а к с ъ.

Чпожь , развѣ нѣтъ? Ему даны всѣ силы!
Онъ совершилъ одинъ успавъ природы,
Коль гения , рожденнаго для власпи ,
Украшилъ онъ власпипеля вѣнцомъ !

Квестенбергъ.

Такъ спало мы его великодушно
Обязаны оспапкомъ власпи нашей ?

М а к с ъ.

Великаго велики и права.
Ему необходимъ проспоръ,—предѣлыжь
Онъ самъ себѣ укажещъ.

Квестенбергъ.

Да, былъ опышь.

М а к с ъ.

Вы глубины не можете сносишь :
Вамъ все-бѣ ходишь по гладкому пуши.

Октавіо (Квестенбергеу).

Прошу васъ, другъ, побольше списхож-
денья !

Съ нимъ прудно сладишь . . . Вы
не ожидали. . . .

Законъ путь, хопь будеть путь криво й
 Не есть обходь. Пряма спезя перуна,
 Пряма ядра смерпельная спезя, —
 Ближайшій путь оно предпочипаешь,
 Но слѣдь его и мѣта — разрушенье.
 ЕСТЬ путь иной, — то путь благо-
 словенный :

Онъ слѣдуеть печенію попоковъ,
 Обходипь онъ свободные извивы
 Долинъ, полей и кущей виноградныхъ,
 Храня межѣ размѣренныхъ спяжаній,—
 И эптошь путь вѣрнѣй приводипь къ
 цѣли.

Квестенбергъ.

О! слушайте разумнаго опца :
 Въ немъ говорипь герой и человекъ.

О к т а в і о.

Ты чадо лагеря, мой другъ, — тебя
 Лелѣяла кровавая война
 Пятнадцать лѣшь... Ты мира не видалъ.
 Повѣрь, мой сынъ, есть радости другія,
 И цѣль войны самой не есть война.
 Не подвиги свирѣпаго насилья,

Не чудеса минушы роковой ,
 Нѣтъ, не они по счастье созидають ,
 Которое спокойно , сильно , прочно .
 Кой-какъ, средь поля, воинъ поропливый
 Соорудилъ свой полопняный градъ . . .
 Вскипѣла жизнь, роиися пѣсный рынокъ,
 Водой и сусней двинулась порговля, —
 Вездѣ поварь — промышленности слѣдъ.
 Но вдругъ—смотри! Орда опкочевала.
 Шашровъ ужь нѣтъ, и поле — пепелище!
 Ищопшаны богатые поствы ,
 И селянинъ ушрапилъ жанву лѣша.

М а к с ь .

О мой опецъ ! внуши же миръ Царю !
 Съ воспоргомъ я опдамъ кровавый лавръ
 За первую фіялку, даръ весны ,
 Сей пишины залогъ благоуханный.

О к т а в і о .

Но что́ съ побой? — скажи, чѣмъ пы
 взволнованъ ?

М а к с ь .

Я-ль мира не видаль ? Нѣтъ , мой ро-
 дилсь ,

Я отъ него шеперь, — я видѣль, видѣль
 Цвѣтущій миръ . . . Я шель по шѣмъ
 спранамъ ,

Куда война еще не проникала.

Да, въ жизни естъ другія наслажденья,

Безвѣспныя , далекія для насъ.

Мы зрѣли въ ней лишь берега пустыя...

Такъ дикое, кочующее племя

Грабипелей, на ушломъ кораблѣ ,

По дикому владычествуетъ морю ,

Лишь зная шѣ края земли приморской,

Кудабъ сложишь добычу грабежа, —

А пайныя сокровища земли,

Хранимыя въ долинахъ опдаленныхъ, —

О ! мы про нихъ не слышимъ никогда!

Октавіо (внимательнѣе).

Ц это все ты на пуни узналъ ?

Максъ.

Да, я вкусиль мигъ перваго досуга.

Скажи : за чпó, за чпó я погубиль

Въ пустыхъ прудахъ испраченную
 младость ?

Ни свѣшь наукъ ума не озариль ,

Ни сердцу не было улады въ чувствѣ.
 Къ чему сей шумъ воинспвеннаго спана,
 Бой барабановъ , ржаніе коней ,
 И спукъ часовъ все попь же , равно-
 мѣрный ,

Холодное ученье , крикъ команды , —
 Чпó пользы въ нихъ помящемуся сердцу?
 Къ такимъ шрудамъ — нѣшь , не ле-
 жипь оно.

Есть лучшій мірь , еспь радости другія!
О к т а в і о .

И въ эпошь пупь , какъ много пы узналь!
М а к с ъ .

Прекрасень день , какъ снова входипь
 воинь

Въ сѣнь челоувчеспва , въ обипель жизни!
 Бьеспь мирный маршь , знамена разви-
 лися ,

И шихій звукъ зовепь его домой.

Послѣднею одеждою лѣсовъ

Украшены воинспвенные шлемы ;

Не бомбы прескъ вороша разбиваеспь,—

Свободные , они опверзлись сами ! . .

Кипишь шолпа на башняхъ , на спѣ-
нахъ ;

Опъ кликовъ радости спонаепъ воз-
духъ . . . .

Колокола , звеня , благовъспяпъ
Кровавыхъ дней благословенный вечеръ.
Изъ сель, градовъ , посыпался народъ
Ликующій , нарядный , поропливый ,
И шествіе упорно замедляепъ . . . .
На радости спарикъ воспрепенулся
И руку жмепъ возлюбленному сыну . . .
Вопъ , юноша вспупилъ въ пріюпъ
родной ,

Давно покинупый . . Онъ видишь древо . .
Оно при немъ , еще младое , гнулось ,
Теперь въ широкую пріемлепъ пѣнь . . . .
Вопъ , покраснѣвъ , на встрѣчу вышла
дѣва . . . .

Ужель она попъ плачущій младенецъ ,
Котораго на персяхъ онъ оставиль ? . . .
О ! счаспливъ попъ , кому въ блаженный
мигъ

Отверзупся горяція объяпья . . . .

Квестенбергъ (тронутый).

О вождедѣнное, злѣное время!

Зачѣмъ оно не завпра, не шеперь?

1829.

С. Шевыревъ.

НАСМѢШКА МЕРТВАГО.

(Отрывокъ.)

. . . . Ревѣла осенняя буря;
рѣка рвалася изъ береговъ; по широ-
кимъ улицамъ качались фонари;
опъ нихъ шянулись, шевелились
длинныя шѣни и казалось, шо под-
нимались съ земли, шо опускались
темныя кровли, барельефы, окна.
Въ городѣ еще все было въ движе-
нiи; прохожіе толпились по про-
шмарамъ; запоздавшія красавицы,
какъ будшо опъ бури, шо закры-
вали, шо опкрывали свои личики;

по оборачивались, по останавливались; толпа молодежи ихъ преслѣдовала, и смѣясь, благодарила въперъ за его невѣжливосль; спешенные люди осуждали по шѣхъ, по другихъ, и продолжали путь свой, думая кто о вчерашнемъ, кто о завтрашнемъ днѣ; колеса по быспро, по лѣниво спучали о мостовую; звукъ уличныхъ рылей носился по воздуху; и изъ всѣхъ эшихъ разнообразныхъ, отдѣльныхъ движеній составлялось одно общее, копорымъ дышало и жило это странное чудовище, складенное изъ груды камней, копорое называютъ многолюднымъ городомъ. Одно небо было чисто, грозно, мрачно, неподвижно, и щепно ожидало взора, копорый бы поднялся къ нему.

Вопъ съ мосша, вздушного прибывшей волною, вихремъ скапшлась пышная щегольская кареша, во

всемъ походя на другія, но въ кошорой было нѣчто такое, почему прохожіе останавливаясь, говоряшь другъ другу: „эшо вѣр-но молодые“ и съ глупою радосшію долго провожають карешу глазами.

Въ карешѣ сидѣла молодая женщина; блестящая перевязка спруилась между ея черными локонами и перевивалась съ нераспустившимися розами: голубой бархатный плащъ сжималъ широкую блонду, кошорая вырываясь изъ своей шемницы, волновалась надъ лицомъ красавицы, какъ шѣ воздушныя занавѣски, кошорыми живописцы опшѣняють поршрешы своихъ прелеспницъ.

Подлѣ нея сидѣлъ человекъ среднихъ лѣшъ, съ однимъ изъ шѣхъ лицъ, кошорыя не поражають васъ ни шѣлеснымъ безобразіемъ, ни ду-

шевной красою, кошорья не привлекающъ васъ и не ошпалкиваюшъ. Васъ бы не оскорбило вспрѣшиться съ эшимъ челоѡкомъ въ госпиной; но вы бы двадцашъ разъ прошли мимо, не замѣшивъ его; но вы бы не сказали ему ни одного сердчнаго слова; но при немъ бы вы поспыдились всякой живой, новой мысли; вы бы побоялись того чувсшва, кошорое невольнo вырываетсѧ изъ бездны душевной и шерзаешъ васъ пока вы не дадите ему шѡла и образа. Словомъ, въ минушу сильной, умсшвенной дѣяшельности вамъ было бы неловко, безпокойно съ эшимъ челоѡкомъ; въ минушу вдохновенія вы бы выкинули его за окошко.

Испуганная валами разъяренной рѣки, грознымъ завываніемъ вѣшра, красавица невольнo по выгладывала въ окошко, по робко прижи-

малась къ своему поварищу; поварищъ утѣшалъ ее нѣми пошлыми словами, которыя издавна изобрѣло холодное малодушіе, которыя произносятся безъ увѣренности и принимаются безъ убѣжденія; между нѣмъ кареша быспро приближалась къ ярко освѣщенному дому, гдѣ въ окошкахъ — мелькали нѣни подъ веселый ризмъ бальной музыки. . . .

Вдругъ кареша останоилась... раздалось просяжное нѣіе, улица освѣшилась багровымъ пламенемъ — нѣсколько человекъ съ факелами, за ними гробъ медленно двигались чрезъ улицу. Красавица выглянула — сильный порывъ вѣтра ошогнулъ оледенѣлый покровъ съ мершвеца, и ей показалось, что мершвецъ приподнялъ посинѣлое лице свое и посмопрѣлъ на нее съ шюю неподвижною улыбкою, кошорою мерш-

вые насмѣхающіяся надъ живыми; — красавица ахнула и въ безпамятствѣ прижалась ко внутренней спѣнкѣ кареты.

Красавица нѣкогда видала эшаго молодого человѣка — видала! она знала его, знала всѣ изгибы души его, понимала всякое шрепешаніе его сердца, каждое недоговоренное слово, каждую незамѣтную черту на лицѣ его — она знала, понимала все-это; — но на шупору одно изъ шѣхъ людскихъ мнѣній, кошорое люди называющъ вѣчнымъ, необходимымъ основаніемъ семейственнаго счастья и кошорому приносятъ въ жершву и геній, и добродѣшель, и состраданіе, и здравый смыслъ — все это въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — одно изъ шакихъ мнѣній поставляло непреоборимую преграду между

красавицею и молодымъ человѣкомъ. —

И красавица покорилась. . . . покорилась не чувству, — нѣшъ! она зашопшала свяшую искру, кошорая-было зашеплилась въ душѣ ея, — и падши, поклонилась пому демону, кошорый раздаешъ счастье и славу міра сего! и демонъ похвалилъ ея повиновеніе, далъ ей *хорошую партію*, назвалъ ея расчешпливость — добродѣшпелю, ея подобосшрасшіе — благоразуміемъ, ея опшическій обманъ — влеченіемъ сердца; — и красавица едва не гордилась его похвалою.

Но въ любви юноши соединялось все свяшое и прекрасное человѣка; ея роскошнымъ огнемъ жила жизнь его, какъ блестящій, блаугоухающій албесъ подъ опалою солнца; юношѣ были родными пѣ минушы, когда надъ мыслию про-

ходишь дыханіе бурно : пѣ мину-
шы , въ копорыя живушь вѣка ;
когда Ангелы присушсвуютъ та-
инству души человѣческой и зародыши будущихъ поколѣній со спра-
хомъ внимають рѣшенію судьбы
своей. —

Да ! много будущаго было въ
этой мысли , въ этомъ чувствѣ !
но имъ-ли оковашь лѣнивое сердце
свѣтской красавицы , непрерывно
охлаждаемое расчетами приличій?—
имъ-ли плѣнишь умъ , безпрестанно
сводимый съ толку шѣми судіями
общаго мнѣнія , копорые постигли
искусство судить о другихъ по се-
бѣ , о чувствѣ по расчету , о мыс-
ли по тому , что имъ случилось ви-
дѣть на свѣтѣ , о Поэзіи по чи-
стой прибыли , о Религіи по Поли-
стикѣ , о будущемъ по прошедшему

когда , сжатыя холодомъ спрада-
 нїя , порвались струны на гармо-
 ническомъ орудїи души его? когда
 изнемогъ онъ замученный недогово-
 ренною жизнію ; когда испощилась
 душа его на щещное бореніе и
 униженная , но неубѣжденная , съ
 хохопомъ опвергнула даже *сом-
 нльнїе* — послѣднюю свяшую ис-
 кру . . . . . Можешъ бышь она
 вызвала изъ ада всѣ изобрѣше-
 нїя развраша ; можешъ бышь по-
 спигнула сладость коварства, нѣ-
 гу мщенїя, выгоды явной, беспыд-
 ной подлости; можешъ бышь силь-
 ный юноша , распаливши сердце
 свое проклялъ все доброе
 въ жизни ! Можешъ бышь вся ша-
 дѣяшельность, копорая была пред-
 назначена на свяшой подвигъ жизни,
 углубилась въ науку порока , по-
 черпала ея мудрость съ пою же

силою, съ копорою она нѣкогда бы исчерпала науку добра; можешъ бышь та дѣяшельность, копорая должна была помирить гордость познанія съ смиреніемъ вѣры, — слила горькое, удушющее раскаяніе съ самою минушою преступленія. . . .

Карета остановилась . . . . блѣдная, шрепещущая красавица едва могла идти по мраморнымъ ступенямъ, хопя насмѣшка мужа и возбуждала ея ослабѣвшія силы. . . . Вошь она вошла . . . . она шанцуешъ . . . . но кровь поднимается въ ея голову; деревянная рука, копорая увлекаешъ ее за шанцующими, напоминаешъ ей ту пламенную руку, копорая судорожно сжималась, прикасалась до ея руки; безсмысленный грохощъ бальной музыки опзываешъ ей шую мольбою,

кошорая вырывалась изъ души спра-
спнаго юноши. . . .

Между толпами бродящъ раз-
ныя лица ; подъ веселый напѣвъ
конспроданса свивающся и развива-
ющся тысячи интригъ и сѣшей ;
толпы подобоспратныхъ аэроли-
повъ верпящся вокругъ одноднев-
ный кометы ; предатель унижен-
но кланяется своей жершвѣ ; здѣсь
послышалось незначущее слово, при-
вязанное къ глубокому долголѣт-
ному плану ; здѣсь улыбка презрѣ-
нїа скашилась съ великолѣпнаго
лица и оледенила какой-то умо-
ляющій взоръ ; здѣсь шихо ползущъ
темные грѣхи и шоржественная
подлосшь гордо носить на себѣ
печашь оптверженїа. . . . .

Но послышался шумъ... вопъ,
вопъ красавица обернулась, видишьъ:
иные шепчущся между собою. . . .

иные быстро побѣжали вонъ изъ комнаты и препенущіе возвратились. . . . со всѣхъ сторонъ раздаешся крикъ: „вода! вода!“ Всѣ бросились къ дверямъ — но уже поздно! вода захлеснула весь нижній этажъ! Въ другомъ концѣ зала еще играетъ музыка, шамъ еще танцуютъ, шамъ еще говорятъ о будущемъ, шамъ еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о той, которую надобно сдѣлать завтра; шамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ. . . . но вскорѣ достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, все смѣшалось. . . .

Опъ чего-же поблѣднѣли всѣ эти лица? опъ чего списнулись зубы у этаго ловкаго, краснорѣчиваго риторика? опъ чего шакъ залепеталъ языкъ у этаго угрюмаго героя? опъ чего шакъ забѣгала

эта важная дама, кошорой бывало каждый шагъ казался снисхожденіемъ къ окружающимъ? объ чемъ спрашиваетъ эшопъ великолѣпный мужъ, для кошораго и лишній взглядъ казался оскорбленіемъ? — Какъ, Милоспивые Государи, такъ ёсть на свѣшѣ нѣчто кромѣ вашихъ ежедневныхъ иншригъ, происковъ, расчешовъ? Неправда! пустое! все пройдешь! ошашь наступишь завпрашній день! ошашь можно будешь продолжашь начашое! свергнушь своего прошивника, обманушь своего друга, доползши до новаго мѣсна! Послушайше : вошь нѣкошорые смѣльчаки, кошорые больше другихъ не думали ни о жизни, ни о смерти, увѣрющъ, что опасность не велика и что вода сей-часъ начнешь убавляться; они смѣюшся, шупяшъ, предлагающъ продолжашь шанцы,

каршочную игру, радуясь случаю остаться вмѣспѣ до завтрашней ночи; вы въ продолженіе эпадо времени не потерпите ни малѣйшаго неудовольствія — смотрите: въ шой комнашѣ пригошовлены сполы, роскошныя вина кипашѣ въ хрустальныхъ сосудахъ, всѣ произведенія природы сжапы для васъ на золошыхъ блюдахъ, вамъ нѣшѣ дѣла, что вокругъ васъ раздадутся споны погибшихъ, вы люди мудрыя, вы приучили свое сердце не увлекашѣся эшими слабодушными движеніями! — Но вы не слушаете, вы прещеще, холодный попѣ обдаешѣ васъ, вамъ спрашно! И подлинно — вода все росшешѣ и росшешѣ — вы опворяете окошко — зовете о помощи, вамъ опшѣчаетѣ свистѣ бури и бѣлесовашья волны какъ разъяренныя шиг-

ры кидаюшся въ свѣшлыя окна! — Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно! еще минуша и взмокнутъ эпи роскошныя, дымчашыя одежды вашихъ женщинъ! еще минуша — и чесполобивыя украшенія на груди вашей лишь прибавяшъ къ вашей шажеспи и повлекушъ на холодное дно. — Спрашно! спрашно! гдѣ же всемошныя средства науки, смѣющіяся надъ усиліями природы? — Милоспивые Государи! наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ? — Гдѣ же сила молишвы, двигающей гòры! — Милоспивые Государи! вы поперяли значеніе эшаго слова! — Чшо же оспаешся вамъ? — смершь! смершь! смершь ужасная! медленная! Но ободришесь! чшо же шакое смершь? — вы люди мудрыя, благоразумныя, какъ зміи! не ужь ли шо, о чемъ посреди глубокихъ разсужденій ва-

шихъ вы никогда и не помышляли, можешъ бышь дѣломъ споль важнымъ? Призовише на помощь свою прозорливосшь, испытайше надъ смерщью ваши обыкновенныя средства: испытайше, не лъзяли подкупить ее, оклевешашъ? не испугается ли она вашего холодного, грознаго взгляда? — Но все щещено! — Вошь уже качающа сщѣны, рухнуло окошко, другое, вода хлынула въ нихъ, наполнила заль; вошь въ проломѣ явилось что-то огромное черное — не средство ли къ спасенію? — нѣшь, черный гробъ внесло въ заль — мершвыи пришелъ посѣщить живыхъ и пригласить ихъ на свое пиршество! — Вошь свѣчи зашрещали и погасли, волны хлещущъ по паркешу, поднимающъ, все что имъ ни попадешся: каршины, зеркала, горшки съ

цвѣтами, все смѣшалось, все прещипъ, все валился; — иногда изъ-подъ хлеста волнь вынырнешъ испуганное лице, раздасся пронзительный крикъ и исчезнешъ въ пучинѣ; лишь по-верху носится опкрышый гробъ, ударится о какуюнибудь уцѣлѣвшую мраморную вазу и снова оппрянешъ на средину зала. . . .

Тщешно красавица просипъ о помощи, зовешъ мужа, — она чувствуетъ какъ облипло на ней плашье, какъ опяжелѣло, какъ шянешъ ее въ глубину . . . вдругъ съ шрескомъ рухнулись спѣны, раздался пошолокъ — и гробъ и все бывшее въ залѣ волны вынесли въ необозримое море. . . . Все замолкло; лишь ревешъ вѣперъ, гонипъ мѣлкя дымчашья облака передъ луною, и ея

свѣтъ по-временамъ какъ будто синюю молнією освѣщаетъ грозное небо и неумолимую пучину. . . . опкрытый гробъ мчится по ней, за нимъ волны влекутъ красавицу. Они одни посрединѣ буншующей стихіи: она и мертвецъ, мертвецъ и она — нѣтъ помощи, нѣтъ спасенія! — Ея члены закоснѣли, зубы списнулись, ищощились силы; въ безпамяшствѣ она ухватила за окраину гроба, — гробъ нагибается — голова мертвеца прикасается до головы красавицы, холодныя капли съ лица его падаютъ на ея лице, въ ошолбенѣлыхъ глазахъ его упрекъ и насмѣшка. Пораженная его взоромъ она шо осшавляешъ гробъ, шо снова мучась невольною любовією къ жизни, хватается за него, и снова гробъ нагибается и лице мертвеца виситъ

надъ ея лицемъ , дождишь на него
холодными каплями , — и не ош-
воряя усшь мершвецъ хохочешъ :
„Благодарствуй , Марія ! благо-
„зумная Марія ! “ . . . и непреобо-
римая сила влечешъ на дно краса-
вицу ; она чувствуетъ : соленая
вода омываетъ языкъ ея , съ сви-
спомъ наливается въ уши , бухнешъ
мозгъ въ ея головѣ , слѣпнушь гла-
за — а мершвецъ все шянешся надъ
нею , и слышишь хохощъ : „Бла-
„годарствуй , Марія ! благоразум-
„ная Марія ! “ . . . —

Когда Марія очнулась — она ле-
жала на своей постелѣ ; солнечные
лучи золопили зеленую занавѣску ;
въ длинныхъ креслахъ мужъ сер-
дипо зѣвая , разговаривалъ съ Док-
шоромъ . . . .

„Изволише видѣшь — говорилъ
Докшоръ — эшо очень ясно : всякое

сильное движеніе души, происходящее ошъ гнѣва , ошъ боязни , ошъ горестнаго воспоминанія — всякое шакое движеніе дѣйствуешъ непосредственно на сердце ; сердце въ свою очередь дѣйствуешъ на мозговые нервы , кошорые будучи соединены съ наружными чувствами , нарушаюпъ ихъ гармонію ; шогда человекъ приходишъ въ какое-шо полусонное состояніе и видишъ особенный міръ, въ кошоромъ половина предметовъ принадлежишъ къ дѣйствительному міру , а другая половина къ міру, находящемуся внутри человека. . . .“ Мужъ давно уже его не слушалъ. . . .

Въ шо время на подъѣздѣ встрѣшились два человека. „Ну что Княгиня?“ спросилъ одинъ другаго.

— Да ничего! — дамскія причуды! шолько что испортила нашъ балъ своимъ обморокомъ — я увѣ-

ренъ, что это было не иное что, какъ приговорство. . . . хошѣлось обратишь вниманіе . . . .“

„Ахъ! не брани ее бѣдненькую — возразилъ первый: я чай и безъ шого ей доспалось опъ мужа! да впрочемъ и всякому будешъ досадно — онъ опъ роду не бывалъ еще въ шакомъ ударѣ: предспавъ себѣ онъ десяшь разъ сряду замаркировалъ короля, въ чешверпъ часа выигралъ пяшь шысячь и еслибы. . .“

Разговаривающіе удалились.

Съ годъ спустя послѣ этого произшесшвія, на балѣ у Б. . . . человекъ пожилыхъ лѣшь говорилъ одной дамѣ: какъ я радъ, что встрѣшился съ вами, — у меня до васъ просьба, Княгиня. . . . вы будете завпра вечеромъ дома? . . .“

— Начшо вамъ это? . . . —

„Меня просятъ вамъ пред-
спавить одного, какъ говорятъ,
очень замѣчательнаго молодаго че-
ловѣка. . . .“

— Ахъ, Бога ради — возра-
зила дама съ негодованіемъ — из-
бавьте меня опъ эсихъ замѣча-
тельныхъ молодыхъ людей съ ихъ
мечшами, чувсшвами, мыслями; —
говоря съ ними еще надобно ду-
мать о ~~шестъ~~, ~~еще~~ ~~говоришь~~, а для
меня эшо и скучно и безпокойно.
Я ужь объ эшомъ объявила всѣмъ
моимъ знакомымъ. Приводите ко
мнѣ такихъ, кошорые безъ препен-
зій, кошорые прекрасно говорятъ
о вчерашнемъ балѣ и шолька — я
имъ буду очень рада и для нихъ
мой двери всегда отворены. . . . —

Я долгомъ считаю замѣшить,
что эша дама была Княгиня Марія,
а говорившій съ нею мужчина —
мужъ ея.

